

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

ISSN 2542-2472

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН 3 / 2020

WWW.RUS-LAW.ONLINE

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ПЕРИОДИЧЕСКОГО СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ
«РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН»**

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович	председатель редакционного совета, профессор, ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СИНЮКОВ Владимир Николаевич	заместитель председателя редакционного совета, д.ю.н., профессор, проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
АРТЁМОВ Николай Михайлович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ВАЛЕЕВ Дамир Хамитович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета
ВАН ЭЛСУВЕГЕ Петер	PhD, профессор права Европейского Союза Института европейского права Гентского университета (Бельгия)
ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ДОВГАНЬ Елена Федоровна	д.ю.н., доцент, проректор по учебно-воспитательной работе и международным связям Международного университета «МИТСО»
ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ИСАЕВ Игорь Андреевич	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КОМАРОВА Валентина Викторовна	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КРАСНОВА Ирина Олеговна	д.ю.н., профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ЛЮТОВ Никита Леонидович	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
РАРОГ Алексей Иванович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СЛЕСАРЕВ Владимир Львович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СОКОЛОВА Наталья Александровна	д.ю.н., доцент, заведующий кафедрой международного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ЧЕТВЕРИКОВ Артем Олегович	д.ю.н., доцент, профессор кафедры интеграционного и европейского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
РУМЯНЦЕВА Валентина Геннадьевна	главный редактор, к.ю.н., доцент, доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СЕВРЮГИНА Ольга Александровна	ответственный секретарь, эксперт отдела научно-издательской политики НИИ Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

COUNCIL OF EDITORS OF THE JOURNAL
“RUSSIAN LAW ONLINE”

Viktor V. BLAZHEEV	Chairman of the Council of Editors, Professor, Rector of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Civil and Administrative Court Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir N. SINYUKOV	Vice-Chairperson of the Council of Editors, Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Scientific Work of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of the Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Nikolay M. ARTEMOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Financial Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Damir H. VALEEV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental, Labor Law and Civil Procedure of the Kazan (Volga Region) Federal University
Peter VAN ELSUWEGE	Ph.D. in Law, Professor of European Union Law of Ghent University (Belgium)
Lydia A. VOSKOBITOVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Alena F. DOUHAN	Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Vice-Rector for educational work and international relations of the International University “MITSO”
Sergey M. ZUBAREV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Igor A. ISAEV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of History of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Valentina V. KOMAROVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Irina O. KRASNOVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Nikita L. LYUTOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Labour Law and Law of social security of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Igor M. MATSKEVICH	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Alexey I. RAROG	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir L. SLESAREV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Natalia A. SOKOLOVA	Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Acting Head of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Artem O. CHETVERIKOV	Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Valentina G. RUMYANCEVA	Editor-in-Chief, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Olga A. SEVRYUGINA	Expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕНДЕНЦИИ

- Кравцова Е. А.** *Понятие «принцип права» в философско-правовой мысли* 5
- Скоробогатов А. В., Краснов А. В., Латышев О. Ю.**
*Природа принципов правового регулирования
предпринимательской деятельности* 10
- Джиоев С. Х.** *Принципы межведомственного информационного
взаимодействия при решении задач в области обороны Российской Федерации* 17

РАКУРС

- Васин А. Л.** *Национально-государственное строительство
в Российской Федерации: новые акценты* 20
- Гришина Т. М.** *Реформа 2020 г. как ступень
совершенствования российской Конституции* 27
- Мурунова А. В.** *Ментальные аспекты
конституционного строительства в России* 35
- Чупилкина А. Ф.** *Культурно-антропологические
основания конституционного строительства* 42
- Лясович Т. Г.** *Советский конституционализм и практика
его построения в условиях новых государственных и общественных реалий* 45

РОССИЯ

- Токарева С. Н.** *Положение полиции Российской империи
при обеспечении государственных интересов в период Первой мировой войны* 50
- Шиляев А. В.** *Подходы к разрешению споров
в земельном законодательстве 1970–1990-х гг.* 56

МИР

- Пиддубринная А. Ю.** *Токийский процесс:
справедливость или юридическая фикция* 61

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- Румянцева В. Г.** *Живое и мертвое право* 65

CONTENTS

TRENDS

- Kravtsova E. A.** *The Concept of «Principle of Law» in Philosophical and Legal Thought* 5
- Skorobogatov A. V., Krasnov A. V., Latyshev O. Yu.**
The Nature of the Principles of Legal Regulation of Business Activity 10
- Dzhioev S. Kh.** *Principles of Interdepartmental Information Interaction
in Achieving Objectives in the Field of Defense of the Russian Federation* 17

PERSPECTIVE

- Vasin A. L.** *State and Nation Building in the Russian Federation: New Accents* 20
- Grishina T. M.** *2020 Reform as the Stage of the Russian Constitution Improvement* 27
- Murunova A. V.** *Mental Aspects of Constitutional Construction in Russia* 35
- Chupilkina A. F.** *Cultural and Anthropological
Foundations of Constitutional Construction* 42
- Lyasovich T. G.** *Soviet Constitutionalism and Practice
of its Construction in the Context of New State and Public Realities* 45

RUSSIA

- Tokareva S. N.** *The Status of the Police Force of the Russian Empire
while Ensuring State Interests during the World War I* 50
- Shilyaev A. V.** *Approaches to Dispute Resolution
in Land Legislation from 1970s-1990s* 56

WORLD

- Piddubrivnaya A. Yu.** *Tokyo Trial: Justice or Legal Fiction* 61

POINT OF VIEW

- Rumyantseva V. G.** *Living and Dead Law* 65

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.15.3.005-009

ПОНЯТИЕ «ПРИНЦИП ПРАВА» В ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

Кравцова Елена Александровна, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина, кандидат юридических наук, доцент
308024, Россия, Белгород, ул. Горького, д. 71
543375@mail.ru

© Кравцова Е. А., 2020

***Аннотация.** В статье представлено исследование возникновения и развития принципов права в античной, западноевропейской и российской правовой мысли, рассмотрены основные этапы становления и закрепления данного понятия в российском законодательстве.*

***Ключевые слова:** государство; право; правопонимание; юриспруденция; философия права; история государства и права; генезис; правовой принцип, законодательство.*

THE CONCEPT OF «PRINCIPLE OF LAW» IN PHILOSOPHICAL AND LEGAL THOUGHT

Elena A. Kravtsova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
ul. Gorkogo, d. 71, Belgorod, Russia, 308024
543375@mail.ru

***Abstract.** The paper is devoted to the study of the emergence and development of the principles of law in ancient, Western European and Russian legal doctrines. The author examines the main stages of formation and consolidation of this concept in Russian legislation.*

***Keywords:** state; law; legal understanding; jurisprudence; philosophy of law; history of state and law; genesis; legal principle, legislation.*

Термин «принципы» прочно вошел в правую действительность как на международном уровне, так и в национальных правовых системах. Получил он закрепление и в российском законодательстве. Так, в Конституции РФ употребляются такие словосочетания, как общие принципы права» «общепризнанные принципы права», в большинстве федеральных законов в первых статьях перечислены принципы, на основании которых осуществляется дальнейшее регулирование правоотношений, закрепленных нормами законов. Достаточно часто ссылаются на принципы права Конституционный Суд РФ при вынесении своих решений и определений¹.

¹ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 27.01.1993 № 1-П «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики ограничения времени опла-

Если рассматривать генезис принципов права, то можно сделать вывод о том, что принципы права были зафиксированы в нормах права значительно позже, чем остальные нормативные предписания, и до своего нормативного закрепления они возникли и получили обоснование в качестве философских идей. Исторический анализ развития правовых норм показывает, что право любой страны формировалось от частного к общему, то есть от установления конкретных правил поведения, которых необходимо придерживаться, до осознания общих закономерностей, которые должны лежать в основе правового регулирования, и имплементации этих идей в правовую систему.

Впервые термин «принцип» в его современном значении был употреблен Г. Гроцием в книге «О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права» (1625)². Интересным является то, что употребляя термин «принципы» в названии, обосновывая в своем труде принципы ведения войн (возмещение причиненного ущерба, обязанность соблюдения обещаний, справедливость наказаний), Г. Гроций сам термин «принцип» не только не расшифровывает, но и непосредственно в тексте сочинения не употребляет.

И. Кант в своих сочинениях не только постоянно употребляет термин «принципы», но и делит их на теоретические и эмпирические, пишет о наличии «априорных принципов»³, которые лежат в основе всех явлений и которые можно назвать «чистой волей». Выводя принципы морали, И. Кант не исследует принципы права.

Принципы права впервые обосновал Г. Гегель в философии права. Он пишет, что в основе права лежат общие принципы, которым нормы права должны обязательно соответствовать. Он изучает основные идеи, которые высказывали ученые Древней Греции, обобщая их и применяя по отношению к их высказываниям термин принципы. Главным принципом, лежащим в основе всякого права, права Г. Гегель считает «самосознание, постигающее себя посредством мышления как сущность и тем самым сбрасывающее с себя все случайное и неистинное». Самосознание составляет «принцип права, морали и всякой нравственности»⁴. Исходя из чистого разума, который основывается на свободе воли и сложившихся в обществе отношений, создается право, которое представляет собой объективный мир свободы. Также Г. Гегель формулирует основные принципы, которые должны быть отражены непосредственно в правовых нормах. К ним относятся принципы свободы, частной собственности, справедливости и др.

Изучение российского права и трудов российских ученых позволяет сделать вывод, что в российской правовой мысли можно выделить несколько этапов генезиса понятия «принципы права» и имплементации его в правовые нормы. Традиционно их делят на дореволюционный, советский и постсоветский (современный). Развитие понятия «принципы права» в целом осуществляется так же, как и в западноевропейских странах. Изначально в право закладывается понятие справедливости в том смысле, которое характерно для древнего общества и основано на сословности и неравенстве населения. Так, в Русской Правде указывалось, что если совершилось убийство, то семья убитого может осуществить месть за него (здесь прослеживаются

ты вынужденного прогула при незаконном увольнении, сложившейся на основе применения законодательства о труде и постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, Верховного Суда Российской Федерации, регулирующих данные вопросы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1993. № 2-3 ; постановление Конституционного Суда РФ от 28.02.2012 № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 1.1 статьи 12 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Т. И. Романовой» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 2.

² См.: Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994. 868 с.

³ Кант И. Основы метафизики нравственности. М., 1998. С. 5-6.

⁴ Гегель Г. Философия права. М., 1990. С. 7-8, 26.

параллели с законами Хамураппи: «око за око — зуб за зуб»), а может взять «штраф» за убитого 80 гривен, если он князь или княжеский тиун, или 40 гривен за остальных свободных лиц. Нормы права тесно сплетались с религией, которая давала обоснование существующему политическому строю, выводила общие правила поведения, закрепляя их в качестве заповедей. Так, митрополит Киевский Илларион в дошедшей до нас речи «Слово о Законе и Благодати» рассматривал соотношение права и нравственности, сопоставляя Закон и Истину, указывая на то, что в основе любого закона должны лежать нормы нравственности.

Политический и государственный деятель конца XVI — начала XVII в., дьяк Иван Тимофеев в своем труде «Временник», наряду с понятиями «естественного права» и «уставных законов» (которому соответствует нынешний термин «позитивное право»), выводит основные принципы государственного устройства (незыблемость царской власти, ответственности правителей за судьбу страны, суверенитет государства)⁵.

Термин «принципы права» стал употребляться российскими учеными только в XIX в., с проникновением идей западноевропейских мыслителей, разработавших данное понятие, в российскую правовую мысль. В. М. Хвостов утверждал, выведение общих норм — принципов необходимо проводить путем анализа и обобщения действующих нормативных предписаний. Он считал, что «выведение общих принципов есть могущественное средство для применения юридической аналогии», а Г. Ф. Шершеневич писал, что под юридическим принципом понимается «общая мысль, направление, вложенное законодателем сознательно или бессознательно, в целый ряд созданных им норм»⁶.

В дореволюционный период времени ученые «выводили» принципы из норм права путем их обобщения, поднятия на более высокую ступень абстракции, а не из «духа законов», который был характерен для западноевропейских ученых, которые творили, находясь под прямым влиянием идей «естественного права», высказанных Ш. Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо и др. В то же время в российской юридической науке признавалось влияние на право философских идей, степени экономического и социального развития общества. М. Н. Капустин отмечал, что право не существует вне верований, идей и экономического развития, которые непосредственно на него влияют. Право «по существу своему консервативно и его определения не должны закреплять еще не установившихся мнений»⁷.

Советская правовая доктрина также основывалась на позитивном понимании права. Большинство советских ученых исходило из того, что принципы права вытекают из норм права и в них выражаются⁸. Анализируя подходы к пониманию принципов права, сложившиеся в советский период, А. И. Красман заключал, советские правоведы были «ограничены рамками доктрины социализма»⁹.

В постсоветский период времени, наряду с позитивистским подходом, стали развиваться и другие взгляды на право, повлияв на понимание принципов права, расширив и обогатив содержание данного термина. Были приняты и имплементированы в российскую правовую систему идеи о высшей ценности и приоритете прав человека и гражданина. Принципы права стали рассматриваться как основные идеи, которые позволяют выстроить идеальную конструкцию (модель) правового государства, как первооснова, в соответствии с которой должны формулироваться все нормы права. Такую точку зрения, в частности, высказывали С. С. Алексеев,

⁵ Тимофеев И. Временник. М.; Л., 1951. С. 52.

⁶ Хвостов В. М. Общая теория права. М., 1905. С. 160–161 ; Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М., 2005. Т. 1. С. 32.

⁷ Капустин М. Н. История права. Ярославль, 1879. Ч. I. С. 2.

⁸ Александров Н. Г. Социалистические принципы советского права // Советское государство и право. 1957. № 11. С. 17, 19–21.

⁹ Красман А. И. Понятие принципов российского права в различных исторических эпохах // Вестник Омского университета. Серия : Право. 2012. № 4. С. 27–31.

А. Ф. Черданцев¹⁰. Н. А. Богданова предлагает использовать два термина, несущие различную смысловую нагрузку, «принцип права» и «правовой принцип»: «...Следует различать принципы как правовые установления (нормы), получающие закрепление в нормах конституционного права, и правовые принципы как правовые идеи (начала), воплощенные в теоретических построениях науки»¹¹.

Принципы права могут быть закреплены в законодательстве как прямо, так и косвенно. В Конституции РФ непосредственно в качестве принципов указаны только принципы равноправия и самоопределения народов (преамбула КРФ). Конституционный Суд РФ в своих решениях постоянно ссылается на конституционные принципы, например на принципы юридического равенства, справедливости, гарантированности со стороны государства права на возмещение ущерба. То есть Суд придерживается позиции, что принципы права можно выводить из смысла конституционных норм и фактически любое нормативное предписание Конституции РФ можно рассматривать в качестве принципа¹². Подобный подход широко используется во многих странах, поскольку является общепризнанным, что нормы конституций носят основополагающий характер и являются фундаментом для дальнейшего правового регулирования.

Выявление и осознание принципов права как всеобщих абстракций, обобщающих социальные процессы на уровне их сущности, с последующим закреплением их в законодательстве, способствует совершенствованию правового регулирования, дает законодателю возможность более планомерно и осознанного выстраивать систему национального права, в соответствии с национальными и общемировыми стандартами. Принципы права — основные идеи, требования, лежащие в основе правового регулирования, прямо зафиксированные в правовых нормах или косвенно вытекающие из общего смысла правовых норм, обязательные для применения всеми субъектами права. В настоящее время в российской правовой действительности все принципы права, которые были обоснованы на доктринальном уровне, нашли свое выражение в нормах законов, закрепив на уровне нормативных предписаний идею правового государства, провозглашенную в Конституции РФ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Александров Н. Г. Социалистические принципы советского права // Советское государство и право. — 1957. — № 11. — С. 16–29.
2. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. — М., 2001. — 752 с.
3. Богданова Н. А. Система науки конституционного права. — М., 2001. — 254 с.
4. Гегель Г. Философия права. — М., 1990. — 524 с.
5. Гроций Г. О праве войны и мира. — М., 1994. — 868 с.
6. Кант И. Основы метафизики нравственности. — М., 1998. — 1472 с.
7. Капустин М. Н. История права. — Ярославль, 1879. — Ч. I. — 279 с.
8. Красман А. И. Понятие принципов российского права в различных исторических эпохах // Вестник Омского университета. — Серия : Право. — 2012. — № 4. — С. 27–31.
9. Тимофеев И. Временник. — М.; Л., 1951. — 524 с.
10. Хвостов В. М. Общая теория права. — М., 1905. — 211 с.

¹⁰ Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 422 ; Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М., 2002. С. 186.

¹¹ Богданова Н. А. Система науки конституционного права. М., 2001. С. 168.

¹² См.: постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 2.

11. Черданцев А. Ф. Теория государства и права. — М., 2002. — 432 с.
12. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. — М., 2005. — Т. 1. — 461 с.

REFERENCES

1. Aleksandrov NG. Sotsialisticheskie printsipy sovetskogo prava [Socialist Principles of Soviet Law]. *Soviet State and Law*. 1957;11:16-29 (In Russ.).
2. Alekseev SS. Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya [Ascent to Law. Searches and solutions]. Moscow; 2001 (In Russ.).
3. Bogdanova NA. Sistema nauki konstitutsionnogo prava [The system of Science of Constitutional Law]. Moscow; 2001 (In Russ.).
4. Gegel G. Filosofiya prava [Philosophy of Law]. Moscow; 1990 (In Russ.).
5. Grotsiy G. O prave voyny i mira [On Law of War and Peace]. Moscow; 1994 (In Russ.).
6. Kant I. Osnovy metafiziki нравственности [Fundamentals of metaphysics of morality]. Moscow; 1998 (In Russ.).
7. Kapustin MN. Istoriya prava [History of Law]. Part 1. Yaroslavl; 1879 (In Russ.).
8. Krasman AI. Ponyatie printsiptov rossiyskogo prava v razlichnykh istoricheskikh epokhakh [The concept of principles of Russian law in various historical epochs]. *Bulletin of Omsk University. Series «Pravo»*. 2012;4:27-31 (In Russ.).
9. Timofeev I. Vremennik. Moscow; Leningrad; 1951 (In Russ.).
10. Khvostov VM. Obshchaya teoriya prava [General Theory of Law]. Moscow; 1905 (In Russ.).
11. Cherdantsev AF. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and Law]. Moscow; 2002 (In Russ.).
12. Shershenevich GF. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava [Textbook on Russian Civil Law]. Moscow; 2005 (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.15.3.010-016

ПРИРОДА ПРИНЦИПОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Скоробогатов Андрей Валерьевич, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова, доктор исторических наук, доцент
420111, Россия, Казань, ул. Московская, д. 42
av.skorobogatov@mail.ru

Краснов Александр Валерьевич, доцент кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент
420088, Россия, Казань, ул. 2-я Азинская, д. 7а
field08@mail.ru

Латышев Олег Юрьевич, президент Международной Мариинской академии имени М. Д. Шаповаленко, кандидат филологических наук
119470, Россия, Москва, Кленовый бульвар, д. 18
olegl@ioso.ru

© Скоробогатов А. В., Краснов А. В., Латышев О. Ю., 2020

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию сущности, содержания и значения принципов правового регулирования предпринимательской деятельности. Сделан вывод о дуальной, объективно-субъективной природе правовых принципов и возможности в транзитивном обществе их социального конструирования референтными группами.*

***Ключевые слова:** право; философия права; предпринимательская деятельность; развитие; функционирование; правовые принципы; правовая реальность; правовое регулирование.*

THE NATURE OF THE PRINCIPLES OF LEGAL REGULATION OF BUSINESS ACTIVITY

Andrey V. Skorobogatov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines, Timiryasov Kazan Innovation University
ul. Moskovskaya, d. 18, Kazan, Russia, 420111
av.skorobogatov@mail.ru

Aleksandr V. Krasnov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory and History of Law and State, Kazan Branch of the Russian State University of Justice
ul. 2-ya Azinskaya, d. 7a, Kazan, Russia, 420088
field08@mail.ru

Oleg Yu. Latyshev, Cand. Sci. (Philology), President of Shapovalenko Mariinsky International Academy

Klenovyy bulvar, d. 18, Moscow, Russia, 119470

olegl@ioso.ru

Abstract. *The paper is devoted to the study of the essence, content and meaning of the principles of legal regulation of entrepreneurial activity. The conclusion is made about the dual, objective-subjective nature of legal principles and the possibility in the transitive society of their social construction by reference groups.*

Keywords: *law; philosophy of law; business activity; development; functioning; legal principles; legal reality; legal regulation.*

Развитие и функционирование правовой реальности России детерминировано трансформацией правовой доктрины от нормативизма к интегративизму, который все больше становится методологической основой не только научных исследований как в теоретико-правовой, так и в отраслевых науках, но базисом правовой коммуникации. Нормативная специфика интегративного правопонимания определена его артикуляцией в Конституции РФ.

Длительное время конституционные положения противоречили не только законодательству, но и правоприменительной практике. В определенной степени эта коллизия правотворчества и правоприменения, снижающая эффективность правового регулирования, преодолевалась правоприменительной деятельностью высших судов, решения которых в юридической практике стали восприниматься не только доктринально, но и нормативно. Это поставило на повестку дня вопрос о возможности признания за ними статуса источника права¹.

Решения высших судов выступают в данном случае производных тестом, являясь вербализацией правовых принципов применительно к конкретным вопросам. Подходя к этой проблеме с позиций общей теории права, именно правовые принципы следует считать формой права, специфичным правовым регулятором, воплощающим в себе правовые ценности² и выступающим инструментом легитимации социальных потребностей в правовом регулировании³.

Необходимо учитывать, правовые принципы будучи универсальной категорией процессуально, не являются таковой содержательно. Выступая в качестве методологического основания правового регулирования, принципы отражают уровень общественного развития в рамках определенного социокультурного хронотопа. Подобная конвенциональность не всегда является результатом горизонтальной коммуникации, зачастую авторитет адресанта коммуникации столь значителен, что его позиция не только поддерживается адресатами, но и воспринимается ими как собственная. Тем самым субъективная позиция актора, трансформируется в интерсубъективную. В случае с правовыми принципами в качестве адресанта выступает политическая элита, авторитет которой может поддерживаться не только легитимацией, но и принуждением. Особенно актуальными в этом контексте является определение природы принципов правового регулирования предпринимательской деятельности, которые в значительной степени определяют сущность этого вида деятельности и влияют на эффективность правового регулирования экономической сферы жизни общества в целом⁴.

Правовая природа принципов правового регулирования предпринимательской деятельности обусловлена пониманием сущности и содержания правового принципа

¹ Агеева Г. Е., Коменков С. Д. К вопросу о судебном прецеденте в гражданском и арбитражном процессе // Вопросы экономики и права. 2017. № 6. С. 17–21.

² Daci J. Legal Principles, Legal Values and Legal Norms: are they the same or different? // Academicus International Scientific Journal. 2010. № 2. P. 109–115.

³ Avila H. Theory of Legal Principles. Dordrecht, 2007. 166 p.

⁴ Ryder N., Griffiths M., Singh L. Commercial Law: Principles and Policy. N.-Y., 2012. P. 2.

в категориальном аспекте. Расширение исследовательского поля юридической науки и активное освоение философской методологии позволяет рассмотреть категории правовой реальности не только в гносеологическом смысле, но и с позиций онтологии и аксиологии, включив их тем самым в коммуникативные и конструктивистские интенции функционирования правовой реальности. Особенно это значимо для комплексных, философско-правовых категорий, к которым можно отнести и «правовой принцип».

Этимологически правовой принцип выступает в качестве базисного постулата не только юридической доктрины, но и правовой коммуникации, затрагивая как функциональные, так и когнитивные ее аспекты⁵. Именно благодаря последним принципы позволяют правового регулирования предпринимательской деятельности выступают в качестве фундаментальных положений, определяющих содержание и деятельности субъекта в хозяйственной сфере. При этом они могут быть сформулированы в как доктринальной, так и в нормативной форме.

Гносеологически исследование принципов обусловлено их идеологичностью, детерминированной как объективными закономерностями социального развития, так и абстрагированным характером познавательной деятельности субъекта. Благодаря вовлеченности в познавательный процесс, содержание принципа детерминировано юридическим мышлением, ориентированным не только на реконструкцию в сознании сущности общественных процессов, но и их деконструкцию в бинарной форме:

- с одной стороны, результат доктринально осуществленной интерпретации правовой реальности должен быть сформулирован как научные понятия и категории⁶. Правовой принцип при этом выступает одновременно как результат познания реальности и как методологическая основа ее анализа и интерпретации;
- с другой стороны, нормативно и институционально проведенное толкование должно быть не только интуитивно, но и содержательно понятно любому участнику общественных отношений. Особенно значимым это является в правоприменительной деятельности высших судов, решения которых адресованы неограниченному кругу субъектов предпринимательской деятельности.

Это предполагает понимание принципов правового регулирования предпринимательской деятельности как результата познавательной деятельности субъекта в области теоретического и эмпирического изучения коммерческой деятельности с целью выявления социальных детерминантов, определяющих ее сущность, содержание и направленность. Однако одновременно принципы правового регулирования предпринимательской деятельности могут быть интерпретированы в качестве методологическая основа познания субъектом закономерностей и особенностей функционирования соответствующих общественных отношений в широком социокультурном контексте.

С позиций онтологии принципы выступают самостоятельной формой права, имеющей фундаментальное (основополагающее) значение в правовой коммуникации⁷. Определяя сущность и содержание правовой реальности, принципы обеспечивают гармонизацию между ее уровнями пространственно и темпорально. Исходя из этого, правовые принципы не ограничиваются лишь ментальной составляющей. Они могут быть выражены нормативно и функционально, хотя это не всегда предполагает вербализацию в источниках позитивного права. Принципы правового регулирования предпринимательской деятельности при этом могут быть регуляторами соответствующего вида правового взаимодействия в двух формах: законодательно

⁵ Аникушин С. В., Лысенков С. Г. Теоретико-философские аспекты понимания категории «принцип» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2. С. 11–16.

⁶ Wiethölter R. Proceduralization of the Category of Law // German Law Journal. 2011. № 12. P. 465–473.

⁷ Wright R. G. Objective and Subjective Tests in the Law // The UNH Law Review. 2017. Vol. 16. № 1. P. 121–146.

закрепленных норм-принципов и непосредственной. Последняя возможна при непосредственном применении принципов для разрешения правовых коллизий.

Будучи необходимым компонентом правовой реальности, правовые принципы имеют дуальную природу, сочетают в себе объективные и субъективные черты. Однако эта дуальность имеет не бинарные, а интегративные черты. Наряду с объективированием правовой реальности в сущности правовых принципов, содержательно они выступают результатом социального конструирования, отражая конвенциональную позицию политической элиты, а в демократическом государстве — всего общества. Для транзитивных обществ конвенциональность зачастую является результатом не горизонтальной, а вертикальной коммуникации, поскольку задачей политической элиты является не только закрепление осознанных социальных потребностей, но и инновационные преобразования прогностической направленности. Это напрямую относится к принципам правового регулирования предпринимательской деятельности, конструирование которых в транзитивном обществе осуществляется на основе вертикальной коммуникации. В свою очередь, сконструированные принципы порождают инновации в правовом взаимодействии, которые свидетельствуют не только об эффективности правового регулирования, но и его легитимности.

Аксиологическая характеристика правовых принципов связана с выявлением их ценностной обусловленности социальными факторами⁸, связанными не только с правом, но и общественной моралью, и определением их роли в процессе правообразования. Конвенциональность правового принципа проявляется не только онтологически, но и аксиологически. Отражая необходимые и существенные связи взаимодействия индивидуальных и групповых субъектов, принцип участвует в конструировании порядка общественных отношений, в наибольшей степени соответствующего социальным потребностям и обеспечивающего максимально эффективное развитие и функционирование правовой реальности на всех ее уровнях, и выступает в качестве специфической формы права⁹. Принципы правового регулирования предпринимательской деятельности при этом в наибольшей степени направлены на формирование правовой коммуникации горизонтального характера, для которой характерен синтез адресата и адресанта в одном субъекте. Определяя ценностную составляющую правового регулирования, принципы не только воздействуют субъекта на предпринимательскую деятельность, но и артикулируют рефлексию внутригрупповой и межгрупповой коммуникации в данной сфере.

Правовые принципы в ценностном выражении тесно связаны с социальной моралью. Образ социальной и правовой реальности, сформировавшийся в сознании индивида, является интерпретацией социального образа, который группа или общество, выступающие в качестве адресата коммуникации, транслируют человеку как адресанту коммуникации в процессе социализации. Для первичной социализации более значительной является роль общества, а для вторичной — отдельных социальных групп, в профессиональной направленности. Однако коммуникация имеет не только правовую, но и нравственную составляющую, поскольку достижение в сообществе бесконфликтного сосуществования выходит за пределы правового регулирования и основано на традиционных бинарных оппозициях, составляющих сущность морали; «добро» и «зло», «хорошо» и «плохо», «правильно» и «неправильно».

В процессе коммуникации эти пары приобретают правовую интенцию и могут рассматриваться как нравственная основа правового поведения, обеспечивающего идентификацию индивида с сообществом и бесконфликтное сосуществование группового и межгруппового характера. Тем самым они выступают не только как критерии нравственной оценки деяний человека, но и в качестве методологической

⁸ Герасимова Н. П. Теоретическое осмысление природы ценности права и правовых принципов в науке // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Право. 2019. Т. 19. № 2. С. 52–58.

⁹ Цыгановкин В. А. Принципы права в современной юридической доктрине и практике // Вестник Российского государственного гуманитарного. Серия : Экономика. Управление. Право. 2019. № 2. С. 147–156.

основы правовых принципов, выступающих в данном случае как форма права, способная регулировать общественные отношения без обязательной вербализации. Это прямо присутствует в принципах правового регулирования предпринимательской деятельности, которые как конвенциональный результат взаимодействия в рамках номинальной группы субъектов предпринимательской деятельности являются отражением социального опыта данной группы и призваны обеспечивать бесконфликтное ее сосуществование в обозначенной сфере. На практике это выражается в обеспечении с помощью принципов эффективной предпринимательской деятельности, соответствующей нравственным принципам. Однако данная закономерность имеет особенности в транзитивном обществе, обусловленные вертикальным характером правовой коммуникации. Следствием этого становится снижение этической составляющей в предпринимательской деятельности.

Общепринятое деление принципов права в зависимости от сферы распространения на общие, межотраслевые, отраслевые, принципы подотраслей права и принципы правовых институтов¹⁰ не позволяет однозначно классифицировать принципы правового регулирования предпринимательской деятельности:

- с одной стороны, их следует отнести к отраслевым, поскольку они распространяются на регулирование отношений в пределах отрасли предпринимательского права;
- с другой стороны, в силу значения предпринимательской деятельности для современного социума и их воздействия на все стороны пространственно-временного континуума позволяет рассматривать эти принципы в контексте общеправовых¹¹.

Двойственность природы принципов правового регулирования предпринимательской деятельности проявляется и в других аспектах:

- синтез субъективных и объективных аспектов в формировании и содержании принципов;
- речь идет о двустороннем характере соотношения нормы и принципа. Последний может выступать как методологическая основа первого¹². Однако одновременно норма зачастую является средством вербализации принципа и усиления его регулятивного воздействия на сознание и поведение субъекта;
- в принципах правового регулирования предпринимательской деятельности сочетаются стабильность и динамизм общественного развития. Отражая объективные закономерности социально-экономического развития, принципы в конкретном обществе наполняются содержанием в процессе коммуникации, в конструктивистской направленности. Наиболее ярко это проявляется в договорных отношениях¹³;
- возможность применения принципов правового регулирования предпринимательской деятельности в судебной практике позволяет не только индивидуализировать их общий характер, но и сформировать совершенно новый способ правовой коммуникации с участием третьего субъекта, который способен вертикализовать горизонтальное взаимодействие субъектов.

Природа принципов правового регулирования предпринимательской деятельности обусловлена их специфичной ролью в правовой реальности. Отражая объективные условия социально-экономического развития, принципы формируются как конвенциональный результат правовой коммуникации номинальной группы

¹⁰ *Вопленко Н. Н., Рудковский В. А.* Понятие и классификация принципов права // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 4. С. 35–48.

¹¹ *Кешикова Н. В.* Принципы права в свете постнеклассической юридической рациональности // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 5. С. 109–115.

¹² *Ершов В. В.* Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М., 2018. С. 293–294.

¹³ *Костикова А. В.* Принцип справедливости при толковании предпринимательского договора // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия : Право. 2012. № 4. С. 42–52.

субъектов предпринимательской деятельности. Однако в условиях транзитивного общества эта конвенциональность носит не столько горизонтальный, сколько вертикальный характер и является отражением стремления политической элиты к инновациям, в форме заимствований принципов правового регулирования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агеева Г. Е., Комяков С. Д. К вопросу о судебном прецеденте в гражданском и арбитражном процессе // Вопросы экономики и права. — 2017. — № 6. — С. 17–21.
2. Аникушин С. В., Лысенков С. Г. Теоретико-философские аспекты понимания категории «принцип» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2014. — № 2. — С. 11–16.
3. Вопленко Н. Н., Рудковский В. А. Понятие и классификация принципов права // Ленинградский юридический журнал. — 2014. — № 4. — С. 35–48.
4. Герасимова Н. П. Теоретическое осмысление природы ценности права и правовых принципов в науке // Вестник Южно-Уральского государственного университета. — Серия : Право. — 2019. — Т. 19. — № 2. — С. 52–58.
5. Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. — М., 2018. — 628 с.
6. Кешикова Н. В. Принципы права в свете постнеклассической юридической рациональности // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2012. — № 5. — С. 109–115.
7. Костикова А. В. Принцип справедливости при толковании предпринимательского договора // Вестник Санкт-Петербургского университета. — Серия : Право. — 2012. — № 4. — С. 42–52.
8. Цыгановкин В. А. Принципы права в современной юридической доктрине и практике // Вестник Российского государственного гуманитарного. — Серия : Экономика. Управление. Право. — 2019. — № 2. — С. 147–156.
9. Avila H. Theory of Legal Principles. — Dordrecht, 2007. — 166 p.
10. Daci J. Legal Principles, Legal Values and Legal Norms: are they the same or different? // Academicus International Scientific Journal. — 2010. — № 2. — P. 109–115.
11. Ryder N., Griffiths M., Singh L. Commercial Law: Principles and Policy. — N.-Y., 2012. — 654 p.
12. Wiethölter R. Proceduralization of the Category of Law // German Law Journal. — 2011. — № 12. — P. 465–473.
13. Wright R. G. Objective and Subjective Tests in the Law // The UNH Law Abstract. — 2017. — Vol. 16. — № 1. — P. 121–146.

REFERENCES

1. Ageeva GE, Komekov SD. K voprosu o sudebnom pretsedente v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse [The issue of case law in the civil and arbitration procedure]. *Economic and Law Issues*. 2017;6:17-21 (In Russ.).
2. Anikushin SV, Lysenkov SG. Teoretiko-filosofskie aspekty ponimaniya kategorii «printsip» [Theoretical and philosophical aspects of understanding of the category «principle». *Vestnik of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2014;2:11-16 (In Russ.).
3. Voplenko NN, Rudkovskiy VA. Ponyatie i klassifikatsiya printsipov prava [The concept and classification of principles of law]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*. 2014;4:35-48 (In Russ.).
4. Gerasimova NP. teoreticheskoe osmyslenie prirody tsennosti prava i pravovykh printsipov v nauke [Theoretical understanding of the nature values of law and legal principles of science]. *Bulletin of the South Ural State University. Series «Law»*. 2019;19(2):52-58 (In Russ.).

5. Ershov VV. Pravovoe i individualnoe regulirovanie obshchestvennykh otnosheniy [Legal and individual regulation of public relations]. Moscow; 2018 (In Russ.).
6. Keshikova NV. Printsipy prava v svete postneklassicheskoy yuridicheskoy ratsionalnosti [Principles of law in the context of post-nonclassical legal rationality]. *Bulletin of Irkutsk State Economic Academy*. 2012;5:109-115 (In Russ.).
7. Kostikova AV. Printsip spravedlivosti pri tolkovanii predprinimatelskogo dogovora [Principle of justice in the interpretation of an entrepreneurial contract]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2012;4:42-52 (In Russ.).
8. Tsyganovkin VA. Printsipy prava v sovremennoy yuridicheskoy doktrine i praktike [Principles of law in modern legal doctrine and practice]. *RSUH/RGGU Bulletin «Economics. Management. Law» Series*. 2019;2:147-156 (In Russ.).
9. Avila H. Theory of Legal Principles. Dordrecht; 2007 (In Russ.).
10. Daci J. Legal Principles, Legal Values and Legal Norms: are they the same or different? *Academicus International Scientific Journal*. 2010;2:109-115 (In Russ.).
11. Ryder N., Griffiths M., Singh L. Commercial Law: Principles and Policy. New York; 2012.
12. Wiethölter R. Proceduralization of the Category of Law. *German Law Journal*. 2011;12: 465-473.
13. Wright RG. Objective and Subjective Tests in the Law. *The UNH Law Abstract*. 2017;16(1): 121-146.

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.15.3.017-019

ПРИНЦИПЫ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ РЕШЕНИИ ЗАДАЧ В ОБЛАСТИ ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Джиоев Сослан Хазбиевич, профессор кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
shdzhioev@msal.ru

© Джиоев С. Х., 2020

Аннотация. Автор поднимает проблему принципов межведомственного информационного взаимодействия при решении задач в области обороны Российской Федерации, которые, в свою очередь, необходимы для поступательного развития согласованности усилий различных ведомств в целях формирования общего цифрового пространства.

Ключевые слова: государство; государственность; государственная безопасность; государственная оборона; информатизация; цифровизация; межведомственность; взаимодействие; совершенствование.

PRINCIPLES OF INTERDEPARTMENTAL INFORMATION INTERACTION IN ACHIEVING OBJECTIVES IN THE FIELD OF DEFENSE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Soslan Kh. Dzhioev, Dr. Sci. (Law), Full Professor, Professor, Department of Organization of Judicial and Prosecutorial Investigation Activities, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125933
shdzhioev@msal.ru

Abstract. The author raises the problem of principles of interdepartmental information interaction in solving problems in the field of the Russian Federation defense and security the resolution of which, in turn, is necessary for progressive development of the coherence of the efforts of various agencies and departments in order to create shared digital space.

Keywords: state; statehood; state security; state defense; informatization; digitalization; interdepartmentality; interaction; improvement.

Межведомственное взаимодействие в информационной сфере имеет важное значение в обеспечении обороны страны и при защите стратегических национальных приоритетов Российской Федерации. Специфика межведомственного взаимодействия характеризуется, с одной стороны, необходимостью создания условий для эффективной реализации функций органами публичной власти,

с другой стороны необходимостью обеспечения информационной безопасности государства в целом. Важное значение имеет реализация национальных интересов в информационной сфере, которая направлена на формирование безопасной среды оборота достоверной информации и устойчивой к различным видам воздействия информационной инфраструктуры в целях обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина, стабильного социально-экономического развития страны, а также национальной безопасности Российской Федерации¹.

Сегодня информатизация и цифровизация межведомственного взаимодействия при решении задач в области обороны Российской Федерации сделано много позитивных действий:

- усовершенствована нормативная правовая база системы межведомственного взаимодействия;
- создана технологическая инфраструктура, которая объединяет министерства и ведомства;
- выстроена эффективная система взаимоотношений с субъектами Российской Федерации².

В доктрине Информационной безопасности обозначены принципы деятельности государственных органов по обеспечению информационной безопасности. Вместе с тем принципы межведомственного взаимодействия весьма значимы, определяют правовые контуры системы взаимодействия ведомств, при этом им не уделяется должное внимание. Полагаем важным закрепление принципов межведомственного взаимодействия при решении задач в области обороны Российской Федерации как минимум в стратегических актах. В числе данных принципов считаем возможным выделить:

- принцип приоритета национальных интересов и национальной безопасности;
- принцип субординации;
- принцип согласованности деятельности; принцип оперативности; принцип координации деятельности;
- принцип безопасной среды оборота информации;
- принцип достоверной информации;
- принцип четкой адресности отправляемой информации;
- принцип разграничения компетенции между субъектами (участниками) межведомственного взаимодействия;
- принцип исключения дублирования процедур сбора и обработки информации субъектами (участниками) межведомственного взаимодействия;
- принцип комплексного подхода в организации работы межведомственного взаимодействия;
- принцип обеспечения конфиденциальности, полученной в процессе межведомственного взаимодействия информации;
- принцип распределения сфер ответственности.

В целях преодоления разрозненности и фрагментарности в регулировании вопросов цифрового межведомственного взаимодействия считаем важным формирование общих принципов осуществления межведомственного взаимодействия в едином акте. Представим следующие основания для реализации принципа межведомственного взаимодействия в сфере обеспечения информационного взаимодействия при решении задач в области обороны Российской Федерации:

- постоянное выявление потребностей в подготовке, переподготовке и повышении квалификации кадров, обеспечивающих и участвующих в информационном взаимодействии, обуславливающее создание единого (межведомственного)

¹ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

² См.: Министр обороны принял участие в работе V научно-практической конференции, посвященной межведомственному информационному взаимодействию при решении оборонных задач (22 ноября 2019 г.) // Официальный сайт Минобороны России. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12263209@egNews (дата обращения: 01.12.2020).

- механизма формирования заказа на подготовку кадров и дополнительного профессионального образования;
- модернизация существующей базы информационного взаимодействия и наращивание ее потенциала;
- постоянное совершенствование системы технического и юридического сопровождения деятельности субъектов, обеспечивающих и участвующих в информационном взаимодействии;
- выработка единых подходов и обеспечение согласованности в вопросах разработки комплексных форм информационного взаимодействия с учетом новых вызовов и угроз;
- разработка и реализация параметров комплексной оценки результативности и достижений в развитии информационного взаимодействия при решении задач в области обороны Российской Федерации.

В современный период полнота представлений и знаний о правовом обеспечении цифровизации публичного управления пока явно отстает от стремительного развития цифровых технологий. Такой подход позволил бы также обеспечить соблюдение базовых принципов соразмерности и запрета чрезмерного формализма в ходе цифровой коммуникации, а также обеспечить формирование правомерных ожиданий в сфере внутриведомственного правового регулирования и скоординировать принимаемые по результатам взаимодействия решения.

Немаловажное значение при межведомственном взаимодействии имеет и правовая культура лиц, непосредственно обеспечивающих такое взаимодействие. В настоящее время большое внимание уделяется системному подходу при формировании правовой культуры, составляющей основу правопорядка и режима законности в обществе. Весь спектр информационных контактов не сводится лишь к формальным процедурам обмена документами, информационное взаимодействие имеет и коммуникативные предпосылки. И именно от уровня правовой культуры зависит степень интеграции информационного межведомственного взаимодействия. Важным становится не только профессиональный уровень, но и уровень правовой и электронной грамотности лиц, уровень правосознания, призванные обеспечивать качество такого рода взаимодействие. Современные практики вертикального и горизонтального межведомственного взаимодействия при решении задач в области обороны Российской Федерации эффективно развиваются, но качество их работы непосредственно зависит именно от уровня правовой культуры, лиц осуществляющих такого рода деятельность. Не стоит недооценивать такие значимые элементы, как уровень электронной грамотности, правосознание, правовое воспитание и способность лиц, осуществляющих такое взаимодействие качественно и профессионально обрабатывать получаемую информацию.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Министр обороны принял участие в работе V Научно-практической конференции, посвященной межведомственному информационному взаимодействию при решении оборонных задач (22 ноября 2019 г.) // Официальный сайт Минобороны России. — URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12263209@egNews (дата обращения 01.12.2020).

REFERENCES

1. The Minister of Defense took part in the V scientific-practical conference devoted to interdepartmental information interaction in solving defense problems (November 22, 2019). Official website of the Ministry of Defense of Russia. Available from: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12263209@egNews (accessed: 01 Dec 2020) (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.15.3.020-026

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НОВЫЕ АКЦЕНТЫ

Васин Александр Львович, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат юридических наук
420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, д. 18
3-dom2004@mail.ru

© Васин А. Л., 2020

***Аннотация.** Статья освещает вопросы наиболее значимых аспектов влияния конституционных поправок, принятых в 2020 г., на перспективы развития и дальнейшего совершенствования национально-государственного строительства и федеративного устройства Российской Федерации. Автор обращает особое внимание на юридикацию отдельных исторических категорий, перевод их на конституционный уровень правового регулирования, а также заметное возрастание их роли в отечественной доктрине конституционализма и теории права.*

***Ключевые слова:** государственность; федеративное устройство; конституция; конституционная реформа; правовые ценности; культурно-историческое наследие; межнациональное и межконфессиональное согласие; многонациональность; государствообразующий народ.*

STATE AND NATION BUILDING IN THE RUSSIAN FEDERATION: NEW ACCENTS

Aleksandr L. Vasin, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer, Department of Theory and History of the State and Law, Kazan (Volga) Federal University
ul. Kremlevskaya, d. 18, Kazan, Russia, 420008
3-dom2004@mail.ru

***Abstract.** The paper highlights the issues of the most important aspects of the impact of constitutional amendments adopted in 2020 on the prospects for development and further improvement of nation and state construction and the federal structure of the Russian Federation. The author pays special attention to the juridization of certain historical categories, their transition to the constitutional level of legal regulation, as well as a noticeable increase in their role in the domestic doctrine of constitutionalism and the theory of law.*

***Keywords:** statehood; federal structure; constitution; constitutional reform; legal values; cultural and historical heritage; interethnic and interreligious harmony; multi-nationality; state-forming people.*

Национально-государственное строительство как одно из направлений государственной политики Российской Федерации традиционно сохраняет актуальность и востребованность, поскольку касается таких чувствительных вопросов, как межнациональные и межконфессиональные отношения, обеспечение гражданского мира и согласия, равноправие народов и регионов, установление стабильности и сбалансированности российского федерализма. Любая недооценка или отсутствие взвешенности решений в этой сфере порождает серьезные противоречия и напряженность, которые потенциально могут привести в том числе к вооруженным конфликтам, что мы наблюдали в прошлом и можем наблюдать в настоящее время на примере новейшей истории России и на постсоветском пространстве.

Обновленная Конституция¹ уделяет значительное внимание вопросам, прямо или косвенно затрагивающим национально-государственное строительство в Российской Федерации. Обозначим наиболее существенные, с нашей точки зрения, новации конституционного регулирования.

Первый блок нововведений можно условно определить как идейно-программный по форме и культурно-исторический по содержанию, поскольку он модернизирует и обогащает саму концепцию дальнейшего развития национально-государственного строительства в Российской Федерации. Здесь особо выделяются положения ст. 67.1 Конституции о правопреемстве Российской Федерации относительно СССР (ч. 1). Примечательно, что поправки к Конституции не ограничились правовой связью только с советским периодом, но и «навели мосты» с гораздо более ранними, включая древний, периоды нашей истории. Появилась никогда ранее не применявшаяся в отечественной практике конституционного регулирования формулировка о тысячелетней истории Российской Федерации (ч. 2 ст. 67.1), причем не просто как хронологический факт, а в качестве объединяющего фактора для огромного федеративного государства, что выводит историческую тематику на совершенно новый уровень правового осмысления, а также открывает дополнительные перспективы в теории права и практике правоприменения. По прямому смыслу данных конституционных положений, преемственность в развитии Российского государства производна от памяти предков, а аксиологическим результатом данного посыла является признание исторически сложившегося государственного единства. Нормы корреспондируют с оставшейся неизменной преамбулой Конституции, однако при этом они не просто воспроизводят существовавшие ранее правовые положения, но и существенно их развивают. Позитивный аспект переноса этих и сопутствующих идей из преамбулы непосредственно в статьи Конституции РФ заключается также в том, что относительно первой из них все еще возникает необходимость убеждать научное сообщество в прямом действии преамбулы и ее нормативном характере², чего, разумеется, не требуется относительно вторых.

Еще одним весомым аргументом в повышении роли исторического наследия в современном российском конституционализме являются положения ч. 3 ст. 67.1, которыми продемонстрировано желание в обеспечении почитания памяти защитников Отечества и защиты исторической правды. Кроме того, на конституционном уровне правового регулирования появилось обращенное к детям упоминание о патриотизме, гражданственности и уважении к старшим (ч. 4 ст. 67.1).

Даже широко дискутировавшееся упоминание Бога в новой редакции (ч. 2 ст. 67.1) тоже носит исторический характер, созвучный отсылке к тысячелетней истории российской государственности, имея в виду, что в сопоставимые сроки предки

¹ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с поправками от 30.12.2008, 05.02.2014, 21.07.2014, 14.03.2020) // Российская газета. 1993. № 237. 25 декабря; СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

² Артемьева Р. В. Преамбула Конституции Российской Федерации: нормативное содержание и проблемы реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 3–4 ; Лутова Л. К. Преамбула нормативного правового акта (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. С. 2–4, 8.

русского народа приняли христианство (988 г.), а предки, например, татарского народа (второго по численности этноса в РФ) немногим ранее в составе Волжской Булгарии приняли ислам (922 г.). Полагаем, что именно так (в полисемантической трактовке) следует отнестись к конституционному понятию «Бог», чтобы оно включало не только христианское, в том числе православное, истолкование, но также и иные конфессиональные наименования — Аллах, Будда, Яхве — т. е. по своему значению ассоциировалось с термином «Всевышний». Выбор же для конституционного закрепления слова «Бог» обусловлен, нужно полагать, его тесным смысловым единством с еще одной поправкой о русском языке как языке государствообразующего народа, а также особом статусе русского языка как государственного на территории всей Российской Федерации и его значении в нашей стране как средства межнационального общения.

По сути в том же смысловом ряду находится и поправка о признании особой роли культуры как уникального наследия ее многонационального народа при поддержке и охране со стороны государства (ч. 4 ст. 68), поскольку история вообще и поворотные исторические события в частности являются неисчерпаемым источником для развития нашей культуры в самом широком диапазоне ее проявления. Как отмечает одна и сопредседателей Конституционной комиссии, готовившей обсуждаемые поправки к Конституции РФ, Т. Я. Хабриева, нынешняя конституционная реформа была призвана среди прочего определить контуры национальной конституционной идентичности, в основе которой лежат не только ценности универсального характера, но и наши собственные традиции и идеалы³.

Относительно этих положений необходимо отметить, что их важность в числе прочего заключается в необходимости учитывать наш опыт как позитивного, так и негативного свойства, полученный в советский период, а также наследие предшествующих эпох, поскольку историческая память является мощным драйвером общественного развития и национально-государственного строительства. В 2020 г. было отмечено 100-летие образования Татарской Автономной Советской Социалистической Республики как советской формы возрождения национальной государственности татарского народа. Эта дата является очередным поводом оценить и сделать выводы касательно перспектив развития национально-государственного строительства. Одним из таких выводов, по нашему мнению, должно стать осознание неизбежности применения национального принципа в государственном устройстве Российской Федерации. В свое время большевики не были сторонниками федерализма в «уходящей» Российской империи, но под влиянием мощного национального движения, особенно со стороны тюркских народов, фактически были вынуждены обратиться к идее федерализма. Иное в тех условиях означало бы крах их политических притязаний на власть в нарождающейся российской республике. Аналогичным образом им пришлось признать право народов на самоопределение и пойти на создание национальных автономий в составе РСФСР, а затем в еще большей степени по активному настоянию В. И. Ленина (вопреки плану автономизации И. В. Сталина) применить национальный принцип при создании СССР как федерации формально суверенных союзных республик с правом выхода из СССР.

Впоследствии после распада СССР национальный принцип в государственном устройстве этого государства стал рассматриваться как один из факторов, способствовавших дезинтеграции страны. Данное воззрение было спроецировано также на постсоветскую Российскую Федерацию. Сторонники концепции так называемого «нового федерализма», начиная с ее автора Н. М. Добрынина⁴, которые высказываются за переход в государственном строительстве России от национального к территориальному принципу, должны понимать те угрозы, которые содержит в себе подобное реформаторство. Не случайно, в научной литературе сразу было обращено

³ Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 5. С. 404.

⁴ Добрынин Н. М. Новый федерализм: Модель будущего государственного устройства Российской Федерации. Новосибирск, 2003. 468 с.

внимание на ряд существенных упущений и противоречий в данной постановке вопроса. Так, например, К. В. Арановский и С. Д. Князев в рецензии на указанную работу Н. М. Добрынина отметили его «безоглядную обновленческую решительность», а также в завершение своего аналитического разбора пожелали автору не только большей взвешенности в его аргументах и конструкциях, но и осторожности⁵. Очевидно, что конституционные нововведения 2020 г. отнюдь не ориентированы на то, чтобы «перекроить» государственное устройство России в духе столь радикально трактуемого «нового федерализма». Появившиеся в Конституции нормы о «преemptивности в развитии Российского государства» и «исторически сложившемся государственном единстве» по сути выступают в качестве правовых гарантий, оберегающих нас от упомянутых крайностей.

Одной из наиболее обсуждаемых поправок стало положение ч. 1 ст. 68 Конституции РФ о русском языке как языке государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов нашей страны. По этому вопросу Конституционный Суд РФ представил заключение⁶ о том, что данное положение «основано на объективном признании роли русского народа в образовании российской государственности, продолжателем которой является Российская Федерация. Оно не умаляет достоинства других народов» и «не может рассматриваться как несовместимое с положениями Конституции Российской Федерации о многонациональном народе Российской Федерации (статья 3, часть 1), о равенстве прав и свобод человека и гражданина вне зависимости от национальности (статья 19, часть 2), о равноправии и самоопределении народов (преамбула)». Иными словами, Конституционный Суд РФ высказался за гармоничное согласование понятий государствообразующего народа и многонационального народа Российской Федерации. Остается надеяться, что практика реализации данных конституционных положений не приведет к нарушению равноправия народов нашей страны.

На примере указанного блока поправок мы наблюдаем конституционализацию исторических ценностей, перевод отдельных наиболее значимых исторических категорий в юридические. Подобного рода историко-правовые ценности объединяют и укрепляют общественное сознание в нашей многонациональной и поликонфессиональной стране, они цементируют общепризнанные духовно-нравственные ориентиры и тем самым в числе прочего придают дополнительную устойчивость отечественной политико-правовой системе, что, безусловно, поможет ей справиться с новыми вызовами современности. Очень важно сохранить и приумножить общественный, а теперь уже и правовой, консенсус относительно этой части нашего исторического самосознания, а также основываясь на данном прочном фундаменте, отразить как внешние, так и внутренние угрозы по маргинализации и извращению историко-культурного наследия. Нынешнее время дает богатейшую палитру подобных угроз не только на сугубо российском материале, но и на примере наших ближайших соседей и более отдаленных стран. Это, в частности, так называемые цветные революции, попытки переписать историю Второй мировой (Великой Отечественной) войны, умалить вклад Красной армии в достижение Победы в данной войне, беспардонное вмешательство во внутренние дела других стран и целых регионов, санкционное давление, ведение экономической конкурентной борьбы негодными средствами, политика двойных стандартов и многое другое.

⁵ Арановский К. В., Князев С. Д., Добрынин Н. М. Новый федерализм: модель будущего государственного устройства Российской Федерации: рец. на кн. // Известия вузов. Правоведение. 2005. № 4. С. 240, 243.

⁶ Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1855.

Второй блок поправок носит своего рода инструментальный характер, он затрагивает процедуры реализации новых подходов в национально-государственном строительстве в Российской Федерации. Сюда можно отнести, например, появление понятия федеральных территорий (ч. 1 ст. 67), возможность перенесения отдельных центральных органов власти из столицы государства в другой город (ч. 2 ст. 70) и т. д.

Как следует из конституционных положений, федеральные территории не являются субъектами Российской Федерации и, следовательно, непосредственно не затрагивают национально-государственное устройство страны. Тем не менее они как территориальные образования имеют значение для сферы государственного строительства, особенно в том случае, если будут образованы на территории национальных республик в составе Российской Федерации. По смыслу Конституции, они представляют собой территории со специальным правовым статусом на основании соответствующего федерального закона. При этом Конституция РФ не содержит в себе каких-либо общих критериев, стандартов и иных требований, которые могли бы рассматриваться как единые и обязательные для всех федеральных территорий. Иными словами, в этом отношении закреплён своего рода точечный подход. К настоящему времени принят пока единственный подобный нормативный акт — Федеральный закон от 22.12.2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус»»⁷, которая располагается в городе-курорте Сочи Краснодарского края Российской Федерации. Статья 2 закона, регулирующая основы правового статуса федеральной территории «Сириус», признает ее как имеющее общегосударственное стратегическое значение публично-правовое образование. Целями создания данной федеральной территории обозначены социально-экономическое, инновационное, инвестиционное, научно-техническое развитие Российской Федерации, сохранение олимпийского спортивного, культурного и природного наследия, а также поддержка талантливых людей. Федеральная территория обладает своей системой органов публичной власти, которые наделены соответствующей компетенцией и осуществляют в том числе полномочия органов местного самоуправления (ч. 2, 3 ст. 2, ст. 8–9). Объективно, в том числе благодаря тому, что федеральная территория «Сириус» образована первой, она является своего рода апробацией нового правового института и его дальнейшее распространение, а также пути развития, судя по всему, будут зависеть от результатов и опыта данной федеральной территории.

И наконец, третий блок обновлений Конституции РФ связан с реформированием компетенций органов государственной власти и должностных лиц, перераспределением полномочий, направленным на повышение устойчивости и сбалансированности нашей политико-правовой системы, в том числе в вопросах национально-государственного устройства Российской Федерации. Здесь особо хотелось бы выделить положения п. «д.1» ч. 1 ст. 83 Конституции РФ, регулирующие полномочия Президента РФ по назначению и освобождению от должности ключевых руководителей федеральных органов исполнительной власти (включая федеральных министров). В отличие от предыдущего порядка теперь эти решения принимаются главой государства после консультаций с Советом Федерации РФ, что, безусловно, повышает роль и значение палаты регионов по данному вопросу и, соответственно, укрепляет федеративные основы государства. Аналогичные нововведения в кадровой политике прослеживаются также в положениях п. «е», «е.1», «е.3», «е.4» ч. 1 ст. 83.

Не менее значимым является и закрепление в конституционном тексте такого органа власти, как Государственный Совет РФ (п. «е.5» ч. 1 ст. 83), что придало ему конституционный статус. В принятом в развитие данной нормы Федеральном законе от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации»⁸ хотелось бы подчеркнуть п. 3 ч. 1 ст. 5, имеющим непосредственное отношение к формированию и развитию национального государственного строительства

⁷ Федеральный закон от 22.12.2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус»» // СЗ РФ. 2020. № 52 (ч. I). Ст. 8583.

⁸ Федеральный закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. I–III). Ст. 8039.

в Российской Федерации. Тем самым российские регионы получили новую конституционную площадку по выработке согласованных предложений Президенту РФ в том числе в данной сфере.

Существенные изменения произошли и в сфере конституционного правосудия (ст. 125 Конституции РФ). Конституционному Суду РФ возвращено звание высшего судебного органа конституционного контроля в стране; он стал более компактным — количество судей снижено до 11 человек (ч. 1 ст. 125). Главное заключается в том, что теперь это — единоличный орган судебной власти в стране, осуществляющим конституционное судопроизводство. Его новое полномочие по рассмотрению жалоб граждан на проверку конституционности даже подзаконных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации (п. «а» ч. 4 во взаимосвязи с п. «б» ч. 2 ст. 125) фактически поглощает аналогичную компетенцию региональной конституционной (уставной) юстиции. Поэтому вполне естественно, что следующим шагом, производным от данного нововведения, стало упразднение конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации в связи с принятием Федерального конституционного закона⁹.

Региональная конституционная (уставная) юстиция, особенно региональные конституционные суды сосредотачивали в себе качество статусности соответствующей республики в составе Российской Федерации, а также были единственным очевидным звеном, приносящим эффект децентрализации отечественной судебной системы (еще одна региональная составляющая, мировые судьи, все таки достаточно жестко встроены в систему судов общей юрисдикции и их значение в части децентрализации является скорее номинальным, чем реальным). Взамен конституционных (уставных) судов в субъектах Российской Федерации планируется учредить конституционные советы, в связи с чем можно говорить о том, что вместо немецкого (ФРГ) варианта региональной конституционной юстиции мы теперь переориентируемся на французский подход: судебная система допустила еще больший крен в сторону унитаризма. Горькая для российского федерализма правда заключается в том, что за три десятка лет подавляющее большинство субъектов Российской Федерации, обладая соответствующим правомочием, так и не проявило реальной заинтересованности в создании региональных конституционных (уставных) судов. В результате федеральный центр перевел в категорию «де-юре» ту ситуацию, которая в преобладающей части регионов существовала и существует «де-факто».

Обновления российской конституции, все чаще именуемые как конституционная реформа, являются отражением назревших вызовов и потребностей общества, призванные скорректировать содержание базового учредительного документа страны и определить ее устойчивое развитие на достаточно длительную перспективу, в том числе по актуальному вопросу национально-государственного строительства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арановский К. В., Князев С. Д., Добрынин Н. М. Новый федерализм: модель будущего государственного устройства Российской Федерации: рец. на кн. // Известия вузов. Правоведение. — 2005. — № 4. — С. 239–241.
2. Артемьева Р. В. Преамбула Конституции Российской Федерации: нормативное содержание и проблемы реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2007. — 32 с.
3. Добрынин Н. М. Новый федерализм: Модель будущего государственного устройства Российской Федерации. — Новосибирск, 2003. — 468 с.
4. Лутова Л. К. Преамбула нормативного правового акта (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2011. — 38 с.

⁹ Федеральный конституционный закон от 08.12.2020 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» // СЗ РФ. 2020. № 50. (ч. I–III). Ст. 8029.

5. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник Российской Академии наук. — 2020. — Т. 90. — № 5. — С. 403–414.

REFERENCES

1. Aranovskiy KV, Knyazev SD, Dobrynin NM. Novyy federalizm: model budushchego gosudarstvennogo ustroystva Rossiyskoy Federatsii: rets. na kn. [New federalism: model of the future state structure of the Russian Federation: Book Review]. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. 2005;4:239-241 (In Russ.).
2. Artemyeva RV. Preambula Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: normativnoe sodержanie i problemy realizatsii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Preamble to the Constitution of the Russian Federation: normative content and problems of implementation: Author's Abstract]. Moscow; 2007 (In Russ.).
3. Dobrynin NM. Novyy federalizm: model budushchego gosudarstvennogo ustroystva Rossiyskoy Federatsii [New federalism: Model of the future state structure of the Russian Federation]. Novosibirsk; 2003 (In Russ.).
4. Lutova LK. Preambula normativnogo pravovogo akta (problemy teorii i praktiki): avtoref. dis.... kand. jurid. nauk [Preamble of the normative legal act (problems of theory and practice): Author's Abstract]. N. Novgorod; 2011 (In Russ.).
5. Khabrieva TYa. Konstitutsionnaya reforma v Rossii: v poiskakh natsionalnoy identichnosti [Constitutional reform in Russia: in search of national identity]. *Vestnik of the Russian Academy of Sciences*. 2020;90(5):403-414 (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.15.3.027-034

РЕФОРМА 2020 г. КАК СТУПЕНЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

Гришина Татьяна Михайловна, старший преподаватель кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Международного юридического института 127427, Россия, Москва, ул. Кашенкин Луг, д. 4
pravo_17@mail.ru

© Гришина Т. М., 2020

***Аннотация.** В статье анализируются отдельные конституционно-правовые изменения, проведенные в ходе конституционной реформы 2020 г., исследуется вопрос недостаточности гарантий, поправок, внесенных в 3–8 главы Конституции РФ, выражается надежда дальнейшего совершенствования Основного Закона государства путем его возможного пересмотра, при условии создания необходимых органов государственной власти.*

***Ключевые слова:** государство; общество; реформа; поправка; Конституция РФ; Конституционное Собрание; развитие; основы права; конституционный строй; суверенитет.*

2020 REFORM AS THE STAGE OF THE RUSSIAN CONSTITUTION IMPROVEMENT

Tatyana M. Grishina, Senior Lecturer, Department of Theory of Law and State Law Disciplines, International Law Institute
ul. Kashenkin Lug, d. 4, Moscow, Russia, 127427
pravo_17@mail.ru

***Abstract.** The paper analyzes the individual constitutional and legal changes carried out during the constitutional reform of 2020, examines the issue of insufficient guarantees and safeguards, amendments made in Chapters 3–8 of the Constitution of the Russian Federation. The author expects further improvement of the Basic Law of the State through its possible revision if necessary bodies of state authorities are established.*

***Keywords:** state; society; reform; amendment; Constitution of the Russian Federation; Constitutional Assembly; development; foundations of law; constitutional order; sovereignty.*

О необходимости конституционной реформы было объявлено в Послании Президента РФ Федерации Федеральному Собранию РФ 15 января 2020 г. В. В. Путин призвал внести коррективы, способные обеспечить «развитие России как правового социального государства», в положения действующей Конституции РФ.

Объем, глубина, содержание и последствия конституционных новелл-2020, вызвали широкий резонанс как в мировом сообществе, так и внутри России¹.

Результатом конституционно-правовых новшеств явились принципиальные изменения в главах Конституции РФ о Президенте РФ, Федеральном Собрании РФ, Правительстве РФ, судебной власти и прокуратуре, местном самоуправлении. Были закреплены меры социальной поддержки, защиты исторической правды, почитание памяти защитников Отечества, запрет на умаление значение народного подвига, преемственность в развитии российского государства, признание исторически сложившегося единства российского государства, регламентация института брака (как союза мужчины и женщины), утверждение положений о территориальной целостности и неделимости страны, ужесточение требований к лицам, занимающим государственные должности, перераспределение публично-властных полномочий в системе единой публичной власти государства и др. Следует заметить, что согласно официальным данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), социальный блок поправок к Конституции РФ, а именно: пенсии, поддержка семьи и детства, МРОТ и здравоохранение, наиболее полно соответствует ценностной системе россиян и поддерживается более чем 90 % населения в государстве².

Несомненным достоинством явилось введение нормы о верховенстве Конституции над решениями межгосударственных (международных) органов (п. 6 ст. 5.1 Конституции РФ)³. На основании конституционно-правовой нормы 9 ноября 2020 г. было внесено изменение в Федеральный конституционный закон № 1 «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁴. Благодаря новелле, в настоящее время Российская Федерация сможет проявить свои суверенные права в полной мере и правомерно проигнорировать противоречащие нормам национального права решения международных судов (Гаагский суд, ЕСПЧ), что позволит сэкономить бюджетные средства на выплатах по их неоднозначным решениям. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ решения межгосударственного органа может быть выполнено в целом или в части.

В сфере конституционного судопроизводства был расширен перечень актов, которые можно обжаловать в Конституционный Суд РФ, а также введен предварительный нормоконтроль, то есть Суд теперь наделен полномочиями по проверке законопроектов (как федеральных, так и региональных), в связи с запросом Президента РФ. Хотя, дискуссионным остается конституционно-правовой механизм, согласно которому Президент РФ наделяется правом вносить в Совет Федерации РФ представление о прекращении полномочий Председателя, его заместителя и судей Конституционного Суда РФ, Председателя, его заместителей и судей Верховного Суда РФ, председателей, заместителей председателя и судей кассационных и апелляционных судов, в случаях, установленных федеральным законодательством. С одной стороны, возникает вопрос о возможном нарушении принципа разделения властей, обеспечивающего в правовом государстве систему сдержек и противовесов. С другой стороны, власть судьи не может быть абсолютной, следовательно, такая норма способна создать оптимальный баланс в системе государственной власти⁵, что представляется логичным и соответствующим «духу закона».

¹ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

² ВЦИОМ: социальный блок поправок к Конституции соответствует системе ценностей россиян (4 марта 2020 г.) // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7899455> (дата обращения: 01.12.2020).

³ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с поправками от 30.12.2008, 05.02.2014, 21.07.2014, 14.03.2020) // Российская газета. 1993. № 237. 25 декабря; СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

⁴ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

⁵ Виноградова Е. В., Патюлин Г. С. Поправки 2020 года в Конституцию Российской Федерации. К вопросу о роли Конституционного Суда Российской Федерации в защите прав и свобод человека и гражданина // Образование и право. 2020. № 2. С. 24–38.

Нововведения коснулись также института «особого мнения судьи» Конституционного Суда РФ. Согласно ст. 76 Федерального конституционного закона № 1 «О Конституционном Суде Российской Федерации», судья вправе изложить свое мнение, в случае противоречия с другими судьями, однако в отличие от предыдущей редакции — он не вправе, опубликовать его или же сослаться на свое мнение публично. По этому вопросу, следует отметить, что Россия строит свое судопроизводство, в том числе и конституционное, согласно континентальной традиции, в которой судья должен быть полностью деполитизирован, поскольку только так он сможет быть максимально беспристрастным в своей деятельности. Исходя из данных соображений, мнение судьи может быть выражено, но не доведено до сведения сторон или публично провозглашено, а только приобщено к делу. Представляется, что данная норма приводит в соответствие положения Федерального конституционного закона № 1 «О Конституционном Суде Российской Федерации» и Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», в котором закреплен запрет на принадлежность и публичное выражение своего мнения к какой-либо политической партии⁶.

В актуальной редакции действующей Конституции РФ, среди правовых норм присутствуют ряд существенных идеологических положений, формулирующих важнейшие ценностные основы российского общества, но оттого как именно они будут воплощены в развивающуюся нормативно-правовую базу государства, зависят судьбы современников и последующих поколений российского народа.

Выполнен серьезный законодательный шаг по вопросу определения места и характера власти местного самоуправления путем объединения его органов в единую систему публично-властных органов в государстве. Исследователь Колесников считает, что суверенная государственная власть обладает верховенством, следовательно, в иерархии между элементами публичного управления, органы государственной власти являются вышестоящими, несмотря на то что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Можно считать, внесенные поправки первыми шагами по формированию модели межуровневого взаимодействия с сохранением части компетенционной и организационной самостоятельности местного самоуправления⁷.

Следует отметить, что вопросы места и роли местного самоуправления в единой системе публичной власти в Российской Федерации сегодня имеют важнейшее значение для будущего страны, поскольку органы государственной власти и местного самоуправления, совместно решая одни и те же задачи (защита прав и свобод человека и гражданина; обеспечение достойной жизни и свободного развития творческого потенциала личности и многое другое) не могут быть в своей деятельности изолированы и автономны друг от друга⁸. Согласно положений российского права муниципальное управление (народовластие) является особой формой деятельности, посредством которой государство способно осуществлять свои функции, поскольку, решая вопросы местного значения органы местного самоуправления должны позитивно внедряться практически во все сферы общественных отношений на территории муниципального образования⁹. Передача полномочий органам местного самоуправления от органов государственной власти, детально регламентированная в ст. 19 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах

⁶ Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская газета. 1992. № 170. 29 июля.

⁷ Колесников А. В. Местное самоуправление как элемент единой системы публичной власти // Образование и право. 2020. № 7. С. 44–49.

⁸ Ханов Н. В. Механизмы взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления // Экономика и управление. 2016. № 1. С. 40–46.

⁹ Кохановская И. И. Теоретические вопросы местного самоуправления в современных условиях // Управление. 2019. Т. 7. № 1. С. 13–18.

организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹⁰, чрезвычайно важна для успешного развития государства в целом, однако она должна происходить таким образом, чтобы не происходило сущностной подмены природы народовластия государственной властью и не искажались конституционно-правовые основы деятельности местного самоуправления.

Единая система публичной власти, в которую включены органы местного самоуправления, не аннулирует муниципальную власть, однако серьезно укрепляет межуровневое взаимодействие (федеральное, региональное и муниципальное) публично-властных органов. Установленная конституцией норма должна быть внесена в федеральное законодательство без искажения ее сущности и содержания, поскольку сама конституционно-правовая норма не является достаточной защитой. Исторический опыт показывает, что подчас, вносимые в нормативно-правовую базу законодательные инициативы прямо противоположны смыслу детализируемой конституционной нормы, что часто усложняет законодательный процесс и удлиняет процессуальные сроки принятия законов.

Говоря о систематизации российского законодательства, следует подчеркнуть необходимость кодификации отдельных отраслей российского права, правовая база которых заложена в конституционных нормах, таких как муниципальное право регулирующее правоотношения в сфере местного самоуправления (генерального института конституционного права), и информационное право, регулирующее правоотношения в информационной сфере, чрезвычайно актуальное на современном этапе исторического развития государства и общества, поскольку развитие информационно-коммуникационных технологий привело к широкому использованию глобальных информационных площадок, а также информатизации, практически всех сфер общественных отношений в планетарном масштабе.

Несмотря на информационную глобализацию государств мира в киберпространстве, следует отметить, что Россия остро нуждается в выработке собственного проекта и новой концепции перспективного развития страны для полного сохранения собственной идентичности, и ухода от западных идеологических штампов Российской Федерации. Задачи, поставленные перед российским обществом и государством в 1990-х гг., закрепленные в Основном Законе, содержат ряд принципиальных ограничений, способных привести исключительно к исчерпанию собственного энергетического потенциала и остановить поступательное движение страны. События того времени (крушение Советского Союза, развал российской экономики, полная деидеологизация в масштабах страны...) были катастрофичны, однако с огромным трудом, преодолены российским народом. Именно теперь, с внесением в Конституцию РФ фундаментальных положений в основание российской государственности, необходимо их имплементировать в федеральное законодательство, а также продолжать правотворческую деятельность в сфере совершенствования конституционно-правовых норм. В этой связи хотелось бы отметить ст. 9 гл. 1 Конституции РФ как атавизм прошедшей эпохи конца XX в., но оставшуюся неизменной после внесения актуальных поправок:

Часть 1 ст. 9 Конституции РФ провозглашает: *«Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории»*. Россия, среди государств мира, имеет самое большое количество субъектов в своем составе, обладающими различным потенциалом, выраженного в наличии природных ресурсов и экономических возможностей, но территория государства едина, что подчеркнуто в ст. 67.1 как *«исторически сложившееся государственное единство»*. Однако в основах конституционного строя России упоминаются во множественном числе «народы», имеющие исключительные права на территории своего проживания, таким образом создавая предпосылки к единовластному обладанию природными ресурсами и отделения от единой территории России. Очевидно, что указанная норма противоречит

¹⁰ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

упомянутой ст. 67.1, а также п. в ст. 72, закрепляющей в совместном ведении России и ее субъектов вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами. Такие коллизии способны привести к несогласованности и разночтениям в Основном Законе государства, а также повлечь негативные последствия для государственной целостности страны. В условиях невозможности изменений ст. 9 Конституции РФ, субъекты должны обратиться с запросом в Конституционный Суд РФ для ее официального толкования, с целью выявления истинного содержания и единообразного толкования правоприменителем.

Часть 2 ст. 9 Конституции РФ провозглашает: «*Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности*». Принцип многообразия форм собственности, безусловно, соответствует демократическим принципам и выгодно отличает действующие конституционно-правовые нормы от норм советского периода, признающих только за государством право на собственность. Правом на собственность природными ресурсами государства частными лицами не закреплена ни в одном из многочисленных конституционных актов мира. Подавляющее большинство из них закрепляет природные ресурсы в собственности народа или государства. Например, в Конституции Турецкой республики (ст. 168) установлено: «*Природные богатства и ресурсы находятся в распоряжении и под контролем государства. Право исследовать и эксплуатировать ресурсы принадлежит государству*». Иные хозяйствующие субъекты могут только на ограниченный законом срок наделяться государством полномочиями в качестве эффективных менеджеров. И на самом деле, только Российское государство, обладающее системой взаимодействующих государственных органов — законодательных, исполнительных и судебных, а также местным самоуправлением, включенным в единую систему публичной власти, способно проявить максимальную эффективность в управлении природными ресурсами, поскольку обладает для выполнения этой задачи разнообразными инструментами: специальным аппаратом управления и легального принуждения; правом законоотворчества и др. Основной целью хозяйствующего субъекта является получение максимальной прибыли из имеющегося имущества, представляется маловероятной его забота об окружающей среде, обеспечении экологического правопорядка и достоверном информировании населения об экологическом состоянии, поскольку это может повредить его деятельности и замедлить хозяйственное развитие.

Для любого государства важнейшее значение имеет экономическая сфера, однако полностью погрузиться в разрешение имеющихся экономических проблем и абстрагироваться от иных, в том числе идеологических было бы неправильно. Формируя концепцию развития страны следует помнить о том, что Россия — некий «ковчег» для русского народа и народов, разделившими с ним его непростую историческую судьбу. Собственно, говоря «русский народ» предполагаем не этнос, а самоопределение индивидуума в своей национальной принадлежности. Россия не сможет существовать в форме «бизнес-проекта», ставящий получение коммерческой прибыли на ведущие позиции. Владимир Путин назвал в своем интервью Россию — отдельной цивилизацией. «*Если мы хотим сохранить эту цивилизацию, мы, конечно, должны делать упор именно на высокие технологии и на будущее их развитие*», — сказал Президент РФ. В числе приоритетов развития В. В. Путин выделил: искусственный интеллект, беспилотную технику, генетику, медицину и образование¹¹.

Наше государство является способом существования русских в историческом процессе, следовательно, должны быть выработаны собственные уникальные концепции, отвечающие интересам российского общества. Только такие положение народ поддержит, несмотря на возможные трудности, на всех этапах реформирования. Лишь рассматривая русскую историю как самостоятельную, можно понять уникальную и выдающуюся роль российского государства, как самого успешного государства в мире, по решению вопросов выживания человечества, а это значит, что

¹¹ Владимир Путин назвал Россию отдельной цивилизацией (18 мая 2020 г.) // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20200517/1571580444.html> (дата обращения: 01.12.2020).

российское общество исторически обладало системой концептуально оформленных идей, выражающих национальные интересы, мировоззрение и идеалы¹².

В истории новой российской государственности, начиная с 1990-х гг. по настоящее время, уже неоднократно осуществлялись попытки применить чуждые российскому обществу западные идеологические ценности неоллиберализма и неоконсерватизма (например, внедрение элементов западной системы ювенальной юстиции), но они всегда безапелляционно отторгались россиянами, как несвойственные и наносящие вред духовной сфере общества.

Выработать же свою собственную идеологию, соответствующую менталитету российского народа в которой будет реализован принцип гармонического сочетания духовного и материального богатства при приоритете все же духовного совершенствования граждан России, оказалось совсем не просто¹³. В актуальной редакции Конституции РФ присутствует ст. 13 ч. 2 которой гласит: «*Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной*». История же учит, в случаях отсутствия собственной идеологии, ее место быстро заполняется чужеродными идеями, а это может угрожать устойчивости конституционных основ и безопасности государства и общества. Подобный сверхлиберализм, выраженный в отсутствии обязательной идеологии, присущ также некоторым конституционным актам постсоветских республик и государств бывшего соцлагеря: Узбекистана, Таджикистана, Молдовы, а также Болгарии. Например, в ст. 4 Белорусской Конституции установлено: «*Идеология политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан*». Здесь идет речь о выборе «гражданина» как индивидуума, а не о целом государстве, как в российском Основном Законе. Новая статья 67.1 Конституции РФ частично смягчает императивность ст. 13, однако не в состоянии полностью ее устранить, поскольку статья 1 главы, являясь одной из основ конституционного строя, имеет более высокую юридическую силу, даже по отношению к иным нормам в самом тексте Конституции РФ.

Говоря о мировой политике в современном мире, можем наблюдать, что страны, являющиеся или стремящиеся стать центрами в планетарном масштабе или по меньшей мере для больших регионов (США, Китай, Турция, Иран...), имеют ярко выраженную национально-государственную идеологию и находятся в непрекращающемся поиске собственной идентичности. Действительно, как показывает мировая практика, размывание национальной идентичности под напором вызовов культурной и информационной глобализации, унифицирующей идентификационные образцы, ведет не только к девальвации национальных ценностей и ориентиров, но и к потере значительной части национального суверенитета, за чем следует отказ от защиты своих национальных интересов, неспособность к самостоятельной внутренней и внешней политике¹⁴.

Кризис национально-цивилизационной идентичности в современной Российской Федерации, связанный с потерей прежней «социалистической» и с отсутствием новейшей, лишь частично преодолен новейшими конституционными поправками. Можно утверждать, что такой формат (внесения изменений и дополнений в главы, не задевающие основы конституционного строя государства и основные права и свободы личности) представляется недостаточным и требует дальнейшей правотворческой работы и совершенствования Основного Закона России. Причины, по которым указанные статьи первой главы «Основы конституционного строя» не были подвергнуты корректировке очевидны, поскольку 1, 2 и 9 главы действующей

¹² Сергейцев Т. Н., Куликов Д. Е., Мостовой П. П. Идеология русской государственности. Континент Россия. СПб., 2020. С. 35.

¹³ Малицкий В. С. Идеология в современной России // Вестник Адыгейского государственного университета. 2012. № 2. С. 247–251.

¹⁴ Чекменева Т. Г. Прибытков А. А. Россия в глобализирующемся мире: поиск национальной идентичности // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2014. Т. 10. № 5-1. С. 105–108.

Конституции РФ неизменны, что и закреплено в ее нормах. Если предложение о пересмотре положений будет поддержано тремя пятыми голосов от общего числа сенаторов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ, то в соответствии с федеральным конституционным законом должно быть созвано Конституционное Собрание, которое либо подтверждает неизменность настоящей Конституции РФ, либо разрабатывает проект новой конституционного акта. Конституционное Собрание как временный учредительный орган государственной власти России за полных 27 лет существования российской Конституции так и не был создан, хотя такие попытки осуществлялись неоднократно, начиная с 1993 г. Заключительная попытка была реализована в феврале 2018 г. депутатом В. В. Бортко, но в правовом Управлении Государственной Думы Федерального Собрания РФ он получил отрицательную оценку. Сегодня мы не можем даже помышлять о полноценном внесении в основные положения Конституции РФ необходимых правовых норм, но вынуждены довольствоваться аккуратными, точечными поправками, например, о верховенстве национального законодательства над международным, содержащееся в ст. 79, вступающей в очевидное противоречие со ст. 15, которая по законам юридической техники (как и все 16 статей главы 1 Конституции РФ) обладает самой высокой юридической силой в российском государстве, поскольку составляет основы конституционного строя.

Стабильность, присущая реальным конституциям, является положительной характеристикой учредительных актов, но она не означает их статической неподвижности и неизменности. Динамика общественной и государственной жизни неизбежно порождает необходимость внесения тех или иных конституционных изменений с тем, чтобы учредительный правовой акт государства не отставал от реальной жизни, но вел страну к возрождению российской суверенной государственности, духовного и идеологического обновления, улучшению экономического благосостояния российского народа, обретению по-настоящему социального лица государства и становлению сильной экономики в стране. В том случае, если содержание российской Конституции нуждается в коренной переработке, а не в реставрации, выразившейся в простом дополнении или изменении конституционно-правовых норм, то это необходимо сделать: безоговорочный авторитет Основного Закона от этого не пострадает, но лишь возрастет.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Виноградова Е. В. Патюлин Г. С.* Поправки 2020 года в Конституцию Российской Федерации. К вопросу о роли Конституционного Суда Российской Федерации в защите прав и свобод человека и гражданина // *Образование и право*. — 2020. — № 2. — С. 24–38.
2. Владимир Путин назвал Россию отдельной цивилизацией (18 мая 2020 г.) // РИА Новости. — URL: <https://ria.ru/20200517/1571580444.html> (дата обращения: 01.12.2020).
3. ВЦИОМ: социальный блок поправок к Конституции соответствует системе ценностей россиян (4 марта 2020 г.) // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/7899455> (дата обращения: 01.12.2020).
4. *Колесников А. В.* Местное самоуправление как элемент единой системы публичной власти // *Образование и право*. — 2020. — № 7. — С. 44–49.
5. *Кохановская И. И.* Теоретические вопросы местного самоуправления в современных условиях // *Управление*. — 2019. — Т. 7. — № 1. — С. 13–18.
6. *Малицкий В. С.* Идеология в современной России // *Вестник Адыгейского государственного университета*. — 2012. — № 2. — С. 247–251.
7. *Сергейцев Т. Н., Куликов Д. Е., Мостовой П. П.* Идеология русской государственности. *Континент Россия*. — СПб., 2020. — 688 с.
8. *Ханов Н. В.* Механизмы взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления // *Экономика и управление*. — 2016. — № 1. — С. 40–46.

9. Чеkmенева Т. Г. Прибытков А. А. Россия в глобализирующемся мире: поиск национальной идентичности // Вестник Воронежского государственного технического университета. — 2014. — Т. 10. — № 5-1. — С. 105-108.

REFERENCES

1. Vinogradova EV, Patyulin GS. Popravki 2020 goda v Konstitutsiyu Rossiyskoy Federatsii. K voprosu o roli Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii v zashchite prav i svobod cheloveka i grazhdanina [Amendments of 2020 to the constitution of the Russian Federation. on the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in protecting the human and civil rights and freedoms]. *Education and Law*. 2020;2:24-38 (In Russ.).
2. Vladimir Putin called Russia a separate civilization (May 18, 2020). RIA Novosti. Available from: <https://ria.ru/20200517/1571580444.html> (accessed: 01 Dec 2020) (In Russ.).
3. VCIOM: the social block of amendments to the Constitution corresponds to the system of values of epy Russians (March 4, 2020). Available from: <https://tass.ru/obschestvo/7899455> (accessed: 1 Dec 2020) (In Russ.).
4. Kolesnikov AV. Mestnoe samoupravlenie kak element edinoj sistemy publichnoy vlasti [Local self-government as an element of a unified system of public power]. *Education and Law*. 2020;7:44-49 (In Russ.).
5. Kokhanovskaya II. Teoreticheskie voprosy mestnogo samoupravleniya v sovremennykh usloviyakh [Theoretical issues of local government in modern conditions]. *Upravlenie*. 2019;7(1):13-18 (In Russ.).
6. Malitskiy VS. Ideologiya v sovremennoy Rossii [Ideology in Modern Russia]. *Adygei State University Bulletin*. 2012;2: 247-251 (In Russ.).
7. Sergeitsev TN, Kulikov DE, Mostovoy P. Ideologiya russkoy gosudarstvennosti. Kontinent Rossiya [Ideology of Russian Statehood. The Russia Continent]. St. Petersburg; 2020 (In Russ.).
8. Khanov NV. Mekhanizmy vzaimodeystviya organov gosudarstvennoy vlasti i organov mestnogo samoupravleniya [Mechanisms of interaction between state authorities and local self-government bodies]. *Economics and Management*. 2016;1:40-46 (In Russ.).
9. Chekmeneva TG, Pribytkov AA. Rossiya v globaliziruyushchemsya mire: poisk natsionalnoy identichnosti [Russia in a globalizing world: the search for national identity]. *Bulletin of Voronezh State Technical University*. 2014;10(5-1):105-108 (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.15.3.035-041

МЕНТАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Мурунова Анна Вячеславовна, преподаватель отделения среднего профессионального образования юридического факультета Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, кандидат философских наук 603105, Россия, Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, д. 4
amurunova@yandex.ru

© Мурунова А. В., 2020

***Аннотация.** Автор анализирует ментальные аспекты конституционного строительства в России. Назрела необходимость подвести итоги либеральных реформ начала 2000-х гг., проанализировать российские традиции конституционализма, сравнить их с западным вектором развития. Автор проводит параллели исторически сложившихся традиций конституционализма с современным конституционным строительством.*

***Ключевые слова:** государство; право; общество; правовая культура; правовой менталитет; национальная идентичность; традиции; конституция; конституционализм; Россия.*

MENTAL ASPECTS OF CONSTITUTIONAL CONSTRUCTION IN RUSSIA

Anna V. Murunova, Cand. Sci. (Law), Lecturer, Department of Secondary Vocational Education, Law Faculty, Lobachevskiy Nizhny Novgorod State University
ul. Ashkhabadskaya, d. 4, Nizhniy Novgorod, Russia, 603105
amurunova@yandex.ru

***Abstract.** The author analyzes the mental aspects of constitutional construction in Russia. There is a need to sum up the results of the liberal reforms of the early 2000s, to analyze Russian traditions in the field of constitutionalism and compare them with the Western vector of the development. The author draws parallels between historically established traditions of constitutionalism and modern constitutional construction.*

***Keywords:** state; law; society; legal culture; legal mentality; national identity; traditions; constitution; constitutionalism; Russia.*

История конституционного строительства в России всегда отличалась противоречивостью и неоднозначностью. Последние тенденции в конституционно-правовом поле отражают значимость конституционно-правового регулирования самых важных вопросов общественной жизни, в том числе и тех, которые с трудом поддаются правовому регулированию вообще. За последние десятилетия глобализация, несомненно, обострила проблемы сохранения нацио-

нальной идентичности, национальной культуры. И несмотря на то, что правовая наука формальна и не склонна к романтизму, она была вынуждена признать перво-степенную значимость сохранения культурной самобытности России, причем на уровне Основного закона. Оценить последствия внесения поправок 2020 г. в Конституцию РФ сейчас сложно, потому что практика еще не внесла свои коррективы. Но даже сам факт обращения законодателя к столь тонким материям говорит о необходимости изучения юридическим сообществом национальной культуры и национального сознания, что до сих пор происходило поверхностно. Анализ российского законодательства показывает, что законодатель на региональном уровне часто не понимает сущность и специфику понятий «культура» и «менталитет»¹. Тем не менее анализ конституционного строительства как правового феномена должен производиться с учетом ментального фактора. Изучение не только законодательной базы, но и исторически сложившихся архетипов правового сознания, позволит выявить основные детерминанты конституционного строительства в России, его специфические черты.

Конституция РФ, по мнению С. А. Авакьяна, является «важным политико-юридическим документом, отразившим многие новые конституционные ценности». В этом определении явно заложена двойственность данного правового феномена. М. А. Краснов определяет ее как «клетку для власти», С. А. Филатов — «надеждой на правовое государство», С. А. Шаргунов — «общественным договором, который оберегает человеческое достоинство и гражданские права»². Большинство правоведов приходят к выводу, что изменения и дальнейшие поправки неизбежны, потому что Конституция РФ должна идти в ногу со временем. Ведь она является основой всей правовой системы, определяет правовую ментальность российского законодателя и обычных граждан.

Следует обратить внимание на то, что проблему конституционно-правового регулирования вопросов культуры и менталитета можно рассматривать в нескольких аспектах:

- в контексте выявления места самой Конституции РФ в правовой культуре России;
- через призму исторических закономерностей конституционно-правового строительства;
- с акцентом на изучение юридико-технического потенциала в сфере регулирования вопросов культуры и менталитета.

История свидетельствует о том, что идеи конституционализма были всегда характерны для правовой традиции в России, и это выразилось в достаточно сформированном институте народного представительства. Эти демократические традиции имеют глубокие исторические корни и проявляются в генезисе российской судебной системы. Сам факт участия народа в вечевых собраниях и судах Псковской и Новгородской республик имеет важное значение. Наряду с судом князя и посадника существовали и формы участия широкой общественности в отправлении правосудия. С древних времен «Русской Правды» судьями на местах являлись княжеские наместники с участием выборных от населения, так называемых судных мужей. В результате реформы Ивана Грозного при создании Судебника 1550 г. судебные функции на местах перешли от наместников и волостелей к выборным общественным властям. Участие народных представителей в отправлении правосудия традиционно сохранялось в России в течение всего периода феодализма, и эта тенденция местного народовластия никогда не исчезала. В современное время демократия возможна только при построении гражданского общества, которое могло бы противостоять произволу власти. Отличительной особенностью демократического государства является возможность незамедлительного снятия с поста чиновника по требованию

¹ Мурунова А. В. Менталитет в российском законодательстве и международно-правовых актах // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1 (33). С. 48–51.

² Цит. по: Румянцев О. Г. Конституция Деяности третьего. История явления. М., 2018. С. 12–19.

народа в случае его неоспоримых злоупотреблений. Должны быть выработаны и юридически закреплены четкие и простые механизмы демократического устройства, чтобы не оставаться декларативными. Так, например, произошло с общественной законодательной инициативой. Эти вопросы требуют конституционно-правового регулирования.

Традиции правового народовластия были заложены на Руси со времен «Русской Правды» и особенно ярко проявились в императорский период в XVIII в., когда появилось законодательство, регулирующее условия наемного труда. В частности, был запрещен ночной труд женщин и детей, ограничена продолжительность рабочего дня и так далее. Как отмечал покойный митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн, кодекс Екатерины II, регулирующий условия труда был запрещен к «обнародованию» в «цивилизованных» Англии и Франции как «крамольный»³. Социальное законодательство России было самым передовым в мире. Следует отметить особую гуманность рабочего законодательства. В настоящее время эти вопросы снова стоят на повестке дня, например, в условиях пандемии в России увеличились нарушения прав наемных работников, несмотря на гарантии в Конституции РФ. В период эпидемии обострились вопросы реализации конституционных прав и свобод, так как население оказалось ограничено в традиционных методах и механизмах их защиты.

В истории России прослеживается устойчивая правовая традиция, когда все народности, входящие в ее состав, в равной мере пользовались правами гражданства. История русской нации вполне свободна от дискриминации, притеснения, эксплуатации нерусских национальностей⁴.

Право является выразителем определенных идей, социального мировоззрения и поэтому идеологически воздействует на общественное сознание. Механизм же идеологического воздействия права, сферы и направления этого воздействия пока недостаточно изучен, а в исследованиях правовая идеология практически не рассматривается. Более того, феномен идеологии в теории права часто воспринимался как форма ложного социального значения. Статья 13 Конституции РФ направлена против формирования идеологической составляющей государства. На повестке дня сейчас стоит проблема разграничения правового сознания и политического, правовой идеологии и политической. Кроме того, государства разного культурно-исторического типа отличаются принципиально разными идеологическими системами (духовной и инструментальной), а также моделями осуществления идеологических функций государства⁵. Все это адекватно относится и к правовой идеологии государств, имеющих духовные (Россия) и инструментальные (Западная Европа) идеологические системы и, соответственно, различные ментальные уровни и функциональные модели развития. Компаративный анализ концептуальных отличий системы российского конституционного права от американского позволяет выявить их существенное различие. Если для американцев более характерен институционально-ситуативный подход, то для россиян — системно-отраслевой⁶.

В Конституции РФ нашли свое воплощение такие положения либерально-демократической идеологии, как идея народного суверенитета, правового государства, концепция прав человека, теория разделения властей, принцип политического и идеологического плюрализма, защита частной собственности и так далее. Но этот круг либеральных идей и ценностей так и не стал реальной основой

³ Иоанн (Снычев) митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Самодержавие духа: очерки русского самосознания. М., 2017. С. 346.

⁴ Сорокин П. А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии // О России и русской философской культуре: философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 463–489.

⁵ Каламкарян Р. А. Клименко А. И. Сущность и механизмы современной правовой идеологии государства // Государство и право. 2008. № 7. С. 111.

⁶ Тихомиров Ю. А. Право: национальное, международное, сравнительное // Государство и право. 1999. № 8. С. 9.

государственной идеологии современной России⁷. Попытки формирования «общемировой» правовой идеологии есть выражение стратегии американизма с разделением субъектов международно-правовых отношений на демократические и недемократические.

Самобытная правовая система в России определялась религиозными и общинными началами, историческими, этическими, философскими, идеологическими доктринами. Россия и Запад весьма непохожи и различаются по следующим критериям: образу жизни, образу мысли, правовому менталитету, экономическому менталитету и др. Евразиец Н. Н. Алексеев отмечал, что руководящими началами русской истории, с одной стороны, были организованное государство, силы порядка, с другой стороны, всегда существовали силы дезорганизации, анархическое начало, выражающееся в соответствующих проявлениях русской смуты. При этом первостепенный фактор русской истории он видел в «*уходе от государства*»⁸. Конституционализм же западной цивилизации формирует обезличенного индивида, имеющего правоспособность и дееспособность, взятые сами по себе, в отрыве от правосознания и высшего духовного смысла человека, а тем самым и права⁹.

Несмотря на позитивную оценку идеи защиты прав человека, которую блестяще дает С. С. Алексеев, следует учитывать, что в мире нет единых, абсолютно идентичных идей свободы личности, правового строя, конституционного государства, одинаковых для всех народов и времен, что все правовые идеи в сознании каждого народа получают своеобразную окраску и свой собственный смысл¹⁰. Эта правовая доктрина Запада, например, не нашла благоприятной почвы для своего развития в странах мусульманской правовой семьи. В праве мусульманских стран нормы о правах и свободах человека частично присутствуют, но некоторые из них вступают в противоречие с положениями ислама: право на жизнь, права человека на свободу убеждений и свободу их выражения, положения о смертной казни, права человека на свободу мысли и вероисповедания, запрет рабства и работорговли, равенство полов. Все они имеют другое смысловое наполнение в мусульманских странах, где шариат является основным источником в вопросе регулирования прав человека¹¹. И тем не менее мусульманская система права подчас проявляет большую устойчивость к мировым кризисам, нежели правовая система Запада. Причина этого коренится в сохранении ментальных правовых установок, базирующихся на религиозных догмах. Например, особенности договорного и обязательственного права, специфика взглядов на государство и право в целом обеспечивают стабильность мусульманской правовой системы.

В современных демократических государствах конституционно-правовые институты приобрели дуалистический характер и неоднозначную природу. Часто они подчиняются идеологическому диктату государственной власти. Демократия стала выступать как синоним идеальной власти, самой лучшей и совершенной. Однако в истории человечества были и иные взгляды на демократию. Например, не стоит забывать, что мыслители Древней Греции ее часто называли наихудшей формой правления, когда власть никому не принадлежит, и всегда есть опасность ее узурпации.

В современном мире внедрение западных правовых традиций все чаще ведет к «растворению» суверенных свойств государства, и идентичности народа, традиционных ментальных ценностей, которые становятся незащищенными. Происходит

⁷ Василенко А. В. Современное российское государство (начало XXI в.): контуры идеологии // Государство и право. 2009. № 6. С. 12.

⁸ Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 75.

⁹ Добрынин Н. М. Конституционализм в новейшей истории России: потенциалы и возможности // Государство и право. 2009. № 2. С. 7.

¹⁰ Кистяковский Б. А. В защиту права // Вехи: сб. статей о русской интеллигенции. Свердловск, 1991. С. 123.

¹¹ Максименко В. А. Категория прав человека в мусульманском праве // Вестник Московского университета. 2004. № 2. С. 85–86.

утрата нравственных и культурных ориентиров, стереотипов образа жизни и мысли¹². Мы всегда исходили из того, что нельзя «встроить» российский правовой опыт в западные конструкты и разделяем точку зрения В. С. Скурко, который считает, что не стоит надеяться на то, что государства придут к консенсусу в плане универсализации и гармонизации правовых систем с международным правом, а также в плане единства восприятия отношения государство — личность — территория¹³. И хотя последние поправки в Конституцию РФ в 2020 г. на бумаге закрепили курс на сохранение национальных культурных традиций, на деле пока это не реализуется.

Следует отметить отсутствие в России длительного значимого опыта свободы, демократии, конституционализма, самоуправления, в сравнении с Западом, длительное господство в России полицейского строя жизни. До сих пор действует негативная правовая традиция, когда юрист не только должен знать закон, но и уметь найти обходные пути. В условиях капитализации России эта традиция доведена до абсурда. Всегда было полное игнорирование интересов подданных и населения. Отсюда традиция существенного отличия реального правосознания от того, что ему навязывают «сверху». Традиционно негативным стало заимствование только внешне-правовых сторон дела, использование опыта Запада для модернизации военно-промышленных и административно-управленческих сфер жизни общества. Это выражается в механическом насаждении и объединении разнородных правовых норм и институтов. Довлеет над Россией и традиция половинчатости реформ, внутренней противоречивости их и непоследовательности. Они осуществляются частично и не доводятся до конца. За реформами шли контрреформы, когда итоги реформ сводились на нет. До сих пор сохранилась традиция противостояния западников и славянофилов. Налицо недооценка правового значения обычного права, как важнейшего источника действующего права. Как известно, советское право также отрицательно относилось к обычаю. А при нигилистическом отношении к праву и государству марксистское учение об отмирании государства и права отвечало духу российской традиции. Наблюдается также тенденция апелляции к правопониманию, основанному не на писаном праве, а на правилах ситуативного характера. Сохранилась и консервативная традиция недостаточно эффективного законодательства. Анархический уклон общественного сознания в России порождает и анархические уклоны в правовом сознании¹⁴.

Исходя из вышесказанного, следует уяснить, что в современном глобальном мире правовые традиции не являются пассивным балластом, от которого необходимо избавиться. Их наличие является важным условием сохранения устойчивости всей правовой системы. Они могут стать активизирующей и преобразовывающей силой при макровзаимодействии правовых систем. В этих условиях сложившиеся культурно-правовые генетические коды, такие как мораль, обычаи, представления, поведенческие установки и стереотипы могут выполнять и выполняют не только регулятивную, но и охранительную функцию права. «Социокультурные автоматизмы» упорядочивают социальные отношения не хуже, чем это делает закон, ведь они сформированы историей. Конституционное строительство должно и в дальнейшем учитывать ментальный фактор, основываться на позиции сохранения специфики культурно-исторического кода России. Это позволит российской правовой системе выстоять в условиях новой технической революции и глобальных международных конфликтов.

¹² Добрынин Н. М. Указ. соч. С. 6–7.

¹³ Скурко Е. В. Некоторые аспекты проблемы взаимодействия правовых систем в условиях глобализации // Государство и право. 2008. № 8. С. 72.

¹⁴ Графский В. Г., Ефремова Н. Н., Лаптева Л. Е., Нерсесянц В. С. [и др.] Преемственность и новизна в государственно-правовом развитии России. М., 1996. С. 3–11, 17.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев Н. Н.* Русский народ и государство. — М., 1998. — 635 с.
2. *Василенко А. В.* Современное российское государство (начало XXI в.): контуры идеологии // Государство и право. — 2009. — № 6. — С. 12–19.
3. *Графский В. Г., Ефремова Н. Н., Лаптева Л. Е., Нерсесянц В. С. [и др.]* Преемственность и новизна в государственно-правовом развитии России. — М., 1996. — 41 с.
4. *Добрынин Н. М.* Конституционализм в новейшей истории России: потенциалы и возможности // Государство и право. — 2009. — № 2. — С. 5–8.
5. *Иоанн (Снычев) митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский.* Самодержавие духа: очерки русского самосознания. — М., 2017. — 528 с.
6. *Каламкарян Р. А. Клименко А. И.* Сущность и механизмы современной правовой идеологии государства // Государство и право. — 2008. — № 7. — С. 109–111.
7. *Кистяковский Б. А.* В защиту права // Вехи : сб. статей о русской интеллигенции. — Свердловск, 1991. — 240 с.
8. *Максименко В. А.* Категория прав человека в мусульманском праве // Вестник Московского университета. — 2004. — № 2. — С. 85–94.
9. *Мурунова А. В.* Менталитет в российском законодательстве и международно-правовых актах // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2016. — № 1 (33). — С. 48–51.
10. *Румянцев О. Г.* Конституция Девяносто третьего. История явления. — М., 2018. — 336 с.
11. *Скурко Е. В.* Некоторые аспекты проблемы взаимодействия правовых систем в условиях глобализации // Государство и право. — 2008. — № 8. — С. 69–72.
12. *Сорокин П. А.* Основные черты русской нации в двадцатом столетии // О России и русской философской культуре: философы русского послеоктябрьского зарубежья. — М., 1990. — 528 с.
13. *Тихомиров Ю. А.* Право: национальное, международное, сравнительное // Государство и право. — 1999. — № 8. — С. 5–12.

REFERENCES

1. Alekseev NN. Russkiy narod i gosudarstvo [The Russian people and the state]. Moscow; 1998 (In Russ.).
2. Vasilenko AV, Sovremennoe rossiyskoe gosudarstvo (nachalo XXI v.): kontury ideologii [The Modern Russian State (Beginning of the 21st Century): Contours of Ideology]. State and Law. 2009;6:12-19 (In Russ.).
3. Grafskiy VG, Efremova NN, Lapteva LE, Nersesyants VS, et al. Preemstvennost i novizna v gosudarstvenno-pravovom razvitii rossii [Continuity and novelty in the state and legal development of Russia]. Moscow; 1996 (In Russ.).
4. Dobrynin NM. Konstittsionalizm v noveyshey istorii Rossii: potentsii i vozmozhnosti [Constitutionalism in the modern history of Russia: potencies and possibilities]. State and Law. 2009;2:5-8 (In Russ.).
5. Ioann (Snychev) Metropolitan of Saint Petersburg and Ladoga. Samoderzhavie dukha: ocherki russkogo samosoznaniya [Autocracy of the Spirit: Essays of Russian self-awareness]. Moscow; 2017. (In Russ.).
6. Kalamkaryan RA. Klimenko AI. Sushchnost i mekhanizmy sovremennoy pravovoy ideologii gosudarstva [The essence and mechanisms of the modern legal ideology of the state]. State and Law. 2008;7(109-111) (In Russ.).
7. Kestyakovskiy BA. V zashhitu prava [In defense of law]. Milestones: Collection of Articles about Russian Intellectuals]. Sverdlovsk; 1991 (In Russ.).
8. Maksimenko VA. Category of Human Rights in Muslim Law]. MSU Vestnik. 2004;2:85-94 (In Russ.)
9. Murunova AV. Mentalitet v rossijskom zakonodatelstve i mezhdunarodno-pravovyh aktah [Mentality in Russian legislation and international legal acts]. Legal Science and Practice:

- Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016; 1(33):48-51 (In Russ.).
10. Rumyantsev OG. Konstitutsiya devyanosto tretego. Istoriya yavleniya [The Constitution from 93rd. History of the Phenomenon]. Moscow; 2018 (In Russ.).
 11. Skurko E V, Nekotorye aspekty problemy vzaimodeystviya pravovykh sistem v usloviyakh globalizatsii [Some aspects of the problem of interaction of legal systems in the conditions of globalization]. State and Law. 2008;8:69-72 (In Russ.).
 12. Sorokin PA. Osnovnye cherty russkoy natsii v dvadtsatom stoletii [The main features of the Russian nation in the twentieth century]. In: About Russia and Russian philosophical culture: Philosophers of the Russian post-October Emigre Community. Moscow; 1990 (In Russ.).
 13. Tikhomirov YuA. Pravo: natsionalnoe, mezhdunarodnoe, sravnitelnoe [Law: national, international, and comparative]. State and Law. 1999;8:5-12 (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.15.3.042-044

КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Чупилкина Айгуль Фаридовна, доцент кафедры профессиональных дисциплин Самарского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук 443022, Россия, Самара, ул. Рыльская, д. 24, корп. В
aygul8@yandex.ru

© Чупилкина А. Ф., 2020

***Аннотация.** В статье утверждается, что основу конституционной идентичности, «генетически присущие» ценности россиян необходимо постигать, начиная с анализа картин жанра исторической живописи. В работах авторов прошлого можно увидеть некоторые генетические символы, образы. На полотнах этих мастеров отчетливо проступает понимание разницы в полах, социально биологических задач и целей.*

***Ключевые слова:** государство; право; юриспруденция; антропология, культура, генетические символы, промышленная революция, Конституция РФ.*

CULTURAL AND ANTHROPOLOGICAL FOUNDATIONS OF CONSTITUTIONAL CONSTRUCTION

Aigul F. Chupilkina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Professional Disciplines, Samara Law Institute of Federal Penitentiary System
ul. Rylyskaya, d. 24, korp. V, Samara, Russia, 443022
aygul8@yandex.ru

***Abstract.** The article argues that the basis of constitutional identity, «genetically inherent» values of the Russians must be elucidated starting with the analysis of historical paintings. In the works of the authors of the past, you can see some genetic symbols and images. In the canvases of these masters, one can clearly see the difference in genders, social biological tasks and goals.*

***Keywords:** state; law; jurisprudence; anthropology, culture, genetic symbols, industrial revolution, Constitution of the Russian Federation.*

Антропология — наука, изучающая эволюцию человека. Если говорить о биологической эволюции (самом естественном, природном ходе материального мира Вселенной), которая сопровождается трансформацией генетического состава популяций, зарождением и вымиранием видов, преобразованием экологических систем и условий для биологических систем, то человек также, как живой организм, трансформируется. В самом общем виде в зависимости от места происхождения имеет генетические различия. Не надо упускать, что антропология еще занимается изучением человеческого развития в культурной среде. Культура имеет большое количество значений во множественных областях человеческой жизни.

деятельности, но самое главное, что это общечеловеческий феномен. При озвучивании этого термина ментально возникает ассоциативный ряд, и эти ассоциации возникают в первую очередь в связи с категорией «искусство». Искусство, в свою очередь — образное осмысление действительности.

Каждая художественная эпоха не создавала незыблемой формы. Но одной из главных форм на протяжении всей истории человечества было изобразительное искусство. Оно прошло эволюцию от наскальных росписей палеолита до современной живописи. Формула Н. Г. Чернышевского: «*Общеинтересное в жизни — вот содержание искусства*». Что было центрично? Самое интересное в жизни, самые главные образы — конечно, человеческие.

В 2019 г. Т. Я. Хабриева призвала начать широкую дискуссию философов, юристов и обществоведов о «генетически присущих» ценностях россиян, которые являются основой его идентичности¹. Здесь требуется обратить внимание на то, что основу идентичности необходимо постигать, начиная с анализа картин жанра исторической живописи, а также говорящих о трудах наших предков, мольбах и защите. Они отражены и в пейзажах русского настроения. Да, это произведения не лишь на сюжеты реальных событий. Но большие художники — это люди с особым взглядом на мир.

В Самарском юридическом институте ФСИН России культурно-выставочный центр «Радуга» ежеквартально представляет тематические экспозиции (компьютерные копии шедевров живописи). Одна из последних экспозиций — «Слава России», на которую искусствоведы отобрали работы знаковых художников: И. К. Айвазовского, В. И. Васнецова, И. И. Левитана, Н. К. Рериха, В. И. Сурикова и пр. Слово сочетание «Слава России» по духу, по символической нагрузке очень близко к понятию «Конституция России». Поскольку Конституция РФ — самый известный и славный правовой символ (самое распространенное значение категории «слава» — почетная, широко распространенная известность), это флаг законодательно-государственного толка. Вдумавшись в замысел искусствоведов, в работах прошлого можно увидеть некоторые генетические символы, образы. Так, И. К. Айвазовский — один из величайших маринистов всех времен. Многочисленными батальными полотнами он прославил героев-моряков, отважно защищавших свое Отечество. Его творчество помогает хранить память о славных боевых традициях военно-морского флота.

В. И. Васнецов, не совсем понятый при жизни, вошел в историю как автор трех монументальных символов:

- православия (роспись Владимирского Собора в Киеве);
- воинства (автор картины-символа «Богатыри», а также целого ряда работ, посвященных былинному эпосу — «Витязь на распутье», «После побоища Игоря Святославича с половцами» и пр.);
- искусства (автор главного фасада здания Третьяковской галереи).

Извлечем из этого списка картину-символ «Богатыри», ставшей для В. И. Васнецова самой масштабной в пространстве и во времени, а для мира — выражением русского характера. Крестный сын Илья — олицетворение спокойной силы. Сын рязанского воеводы Добрыня — олицетворение горячности. Сын ростовского попа Алеша — олицетворение удали, находчивости, хитрости, сметливости. На полотнах мастеров отчетливо проступает понимание разницы в полах, социально биологических задач и целей. И соответствующие формулировки в Конституции РФ уместны и даже желательны (к примеру, поправка о браке именно как союзе мужчины и женщины).

Одна из юридических тревог — грядущая роботизация и киборгизация. В условиях четвертой промышленной революции изобретены робототехника, фотоника, искусственный интеллект, биотехнологии, квантовые технологии. Ведутся правовые споры о наделении роботов правосубъектностью. Человечеству следует помнить, что любая цивилизация в период своего расцвета начинала движение к упадку. Задача юриспруденции — хотя бы замедлить это движение. Конституция РФ имеет

¹ Академик РАН призвала найти «генетические ценности» россиян (3 марта 2020 г.) // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20190514/1553478995.html> (дата обращения: 01.12.2020).

матричное и векторное значение. Изменение природы правовых субъектов требует конституционной трансформации. Но для отечественного конституционного варианта это недопустимо. Она должна являться голубем мира, добра, любви и радости. В ее формулировках должно подразумеваться ДНК русских богатырей, которые соединяют прекрасность того времени и временное настоящее. В нашем фольклорном эпосе, былинах, легендах и сказках красной линией идет борьба между добром и злом, белым и черным. И всегда побеждает добро.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Академик РАН призвала найти «генетические ценности» россиян (3 марта 2020 г.) // РИА Новости. — URL: <https://ria.ru/20190514/1553478995.html> (дата обращения: 01.12.2020).

REFERENCES

1. Akademik RAN prizvala nayti «geneticheskie tsennosti» rossiyan (3 marta 2020 g.) Academician of the Russian Academy of Sciences urged to find «genetic values» of the Russians (March 3, 2020). RIA Novosti. Available from: <https://ria.ru/20190514/1553478995.html> (accessed: 1 Dec 2020) (In Russ.)

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.15.3.045-049

СОВЕТСКИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И ПРАКТИКА ЕГО ПОСТРОЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ РЕАЛИЙ

Лясович Татьяна Георгиевна, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент 188662, Россия, Ленинградская область, Мурино, ул. Лесная, д. 18а
vyaznikova@mail.ru

© Лясович Т. Г., 2020

Аннотация. В статье представлена авторская интерпретация советского конституционализма, его сущности и характерных черт. Автор, опираясь на нормы Конституции РСФСР 1918 г., анализирует опыт построения специфической конституционной модели в условиях формирования государства диктатуры пролетариата.

Ключевые слова: конституционализм; конституция; диктатура пролетариата; Конституция РСФСР 1918 г.; советская конституционная модель; права и свободы трудящихся, опыт построения советской государственности.

SOVIET CONSTITUTIONALISM AND PRACTICE OF ITS CONSTRUCTION IN THE CONTEXT OF NEW STATE AND PUBLIC REALITIES

Tatyana G. Lyasovich, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines, Leningrad Regional Branch, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
ul. Lesnaya, d. 18a, Murino, Leningradskaya obl., Russia, 188662
vyaznikova@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the author's interpretation of the Soviet constitutionalism, its essence and characteristics. Based on the norms of the 1918 Constitution of the RSFSR, the author analyzes the experience of building a specific constitutional model in the conditions of formation of the state dictatorship of the proletariat.

Keywords: constitutionalism; constitution; dictatorship of the proletariat; 1918 Constitution of the RSFSR; Soviet constitutional model; rights and freedoms of workers, experience of building Soviet statehood.

Рассуждая о советском конституционализме и государственно-правовом опыте его построения в РСФСР в 1918 г., обратимся к дефиниции и сущностным характеристикам конституционализма как теоретико-правовой категории и рассмотрим его сквозь призму первой Конституции.

Опираясь на понятие конституционализма как «важнейшего института демократии и народоправства»¹, данное О. Е. Кутафиным, констатируем, что оно включает в себя ряд компонентов:

- ценности, приоритетно охраняемые государством и получившие закрепление в нормах Основного закона. К ним относятся прежде всего человек и совокупность его прав и свобод. Еще С. А. Котляревский указывал на то, что именно уважение к личности в рамках общегосударственной ценностной иерархии является неким определяющим критерием: «...Чем более в государственной политике запечатлелось это уважение, тем высшую ступень занимает данное государство на лестнице правовых организаций»². И с этим постулатом невозможно не согласиться;
- идеологическое многообразие, закрепленное в конституционных нормах;
- регламентированное право собственности в его различных вариациях;
- парламентаризм, олицетворяющий «единство законодательной и представительной власти»³;
- верховенство закона;
- «принцип разделения властей, положенный в основу всей государственно-правовой системы»⁴.

Проследим, как каждый из перечисленных компонентов конституционализма получил теоретическое обоснование в Конституции РСФСР 1918 г. и имелся ли опыт его практической реализации в Советском государстве в рассматриваемый период.

Анализ положений первой советской Конституции позволяет констатировать, что как таковые постулаты о приоритете личности и о ее правах и свободах в системе государственной и общественной иерархии отсутствовали. При этом в тексте Конституции РСФСР 1918 г. встречается множество упоминаний о «*трудящихся массах*», «*союзе трудящихся классов*», «*рабочем населении*» и их правах⁵. Эти дефиниции указывают на приоритет коллективных форм жизнедеятельности трудящихся над индивидуальной формой. Это подчеркивалось и советской идеологией, в рамках которой «мы» звучало намного убедительнее, чем «я». Но тем не менее нельзя сказать, что конституционные нормы о правах и свободах граждан полностью отсутствовали: они были «разбросаны» по всему тексту Основного закона. Единый раздел, в котором бы был приведен исчерпывающий перечень прав и свобод граждан в РСФСР, отсутствовал. Однако из анализа положений Раздела I «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», и текста Конституции можно выделить первичное «базовое» право трудящихся в РСФСР — право пролетариата на борьбу с эксплуататорами, а также право на установление диктатуры. Из этих прав органично вытекал и комплекс других прав — право на беспощадное подавление эксплуататоров, право пролетариата на вооружение, право на разоружение имущих классов и пр. Эти права носили революционный характер и являлись отражением политической ситуации, в условиях которой строилось молодое Советское государство. Между тем в тексте Конституции упоминаются и другие «традиционные» права трудящихся: право на свободу совести (ст. 13), слова (ст. 14), собраний, союзов (ст. 15); право на бесплатное образование (ст. 17), право избирать и быть избранным в Советы (гл. 13), а также равноправие, независимо от расовой и национальной принадлежности (ст. 22). Однако принцип равноправия тут же ограничивался нормами ст. 23 о лишении прав отдельных категорий лиц, перечень которых давался в ст. 65 Конституции РСФСР 1918 г.

¹ Крылов Б. С. Проблемы российского конституционализма: Кутафин О. Е. Российский конституционализм: рец. на кн. // Государство и право. 2009. № 6. С. 117.

² Котляревский С. А. Власть и право. Проблема правового государства. СПб., 2001. С. 297.

³ Лукьянов А. И. Парламентаризм в России (вопросы истории, теории и практики). М., 2010. 304 с.

⁴ Крылов Б. С. Проблемы российского конституционализма: Кутафин О. Е. Российский конституционализм: рец. на кн. // Государство и право. 2009. № 6. С. 117.

⁵ Конституция (Основной Закон) РСФСР (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10.07.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

Принцип формального равенства граждан, провозглашенный в Конституции РСФСР 1918 г. как «*всеобщая равная мера регуляции, свободы и справедливости*», не являлся «*всеобъемлющим, универсальным*»⁶. Он не был практически распространен на все слои советского общества и касался исключительно правящего класса — пролетариата. К тому же многие из перечисленных выше прав, закрепленных в Конституции РСФСР 1918 г., носили декларативный характер и на практике не реализовывались. К примеру, право на свободу совести «разбивалось» о марксистский постулат о религии «как опиуме для народа». Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви от 20 января (2 февраля) 1918 г. заложил основы атеизации общества и культивирования враждебного отношения к институту церкви и священнослужителям. Вскоре в РСФСР «правильнее» и «удобнее» стало считаться атеистом, чем верующим. Это подчеркивалось и политикой местных властей: храмы разграблялись и отдавались под клубы и конюшни, священников преследовали, терроризировали. Право на свободу печати также на практике «корректировалось» действовавшим с 27 октября (9 ноября) 1917 г. Декретом о печати, который прекратил существование оппозиционных советской власти изданий. И таких примеров можно привести множество. Говорить об истинном равенстве в РСФСР в 1918 г. не представляется возможным; советский конституционализм был лишен этого, по сути, основного компонента.

Вторым компонентом конституционализма, по О. Е. Кутафину, является идеологическое многообразие. Как уже отмечалось выше, в ст. 13 Конституции РСФСР в 1918 г. «де юре» закреплялась свобода совести, а в ст. 15 — право на собрания, митинги, шествия и т.д. Однако на практике эти права не реализовывались. Поскольку основной задачей Конституции РСФСР 1918 г. являлось установление диктатуры пролетариата и подавление сопротивления свергнутых классов «эксплуататоров», об идеологическом многообразии речь не шла. Официально признавалась и считалась «правильной» лишь одна единственная идеология, в основу которой «*была положена классовая теория государства, развитая и сформулированная К. Марксом, Ф. Энгельсом и многочисленными их последователями*»⁷. Именно эта единственная «пролетарская» идеология официально имела право на существование. И именно эта идеология легла в основу создания как Советской республики, так и ее Конституции в 1918 г.

В то же время нельзя не отметить, что, говоря об идеологическом многообразии как составляющей конституционализма, О. Е. Кутафин все же соглашался с возможностью формирования единой общенародной идеологии как «*вектора развития российского общества и... основы российской национальной идеи*»⁸. Следуя логике ученого, заключим, что в 1917–1918 гг. большевики избрали логичную линию поведения, выстраивая единый идеологический базис советской государственности. Именно общая идеология в РСФСР — СССР стала тем «цементом», который прочно на долгие годы зафиксировал общность советского строя, государственности, общества и сделал возможным единство советских людей.

Третьим компонентом конституционализма является закрепленное в Основном законе государства право собственности в его различных вариациях. По Конституции РСФСР 1918 г. отменялась частная собственность на землю (земельные фонды социализировались) (п. а ст. 3), на леса, недра, воды и сельскохозяйственные предприятия (п. б ст. 3). Объявлялась национализация наиболее важных отраслей промышленности, транспорта, банков. Таким образом, доминирующим видом собственности становилась государственная собственность. Частная собственность юридически сохранялась, однако круг ее объектов становился крайне узким. В нормах ст. 79 Конституции РСФСР 1918 г. подчеркивалось, что основной задачей органов советской власти в сложных условиях борьбы с эксплуататорскими классами становился поиск средств для обеспечения всех нужд молодого Советского государства, ради которого вполне допускалось и «*вторжение в право частной собственности*». Говорить о многообразии форм собственности в РСФСР 1918 г. не представляется возможным.

⁶ Марченко М. Н. Правовое государство и гражданское общество (теоретико-правовое исследование). М.: Проспект, 2015. С. 368.

⁷ Алексеев Н. Н. Идея государства. СПб., 2001. С. 335.

⁸ Крылов Б. С. Указ. соч. С. 117.

Четвертым компонентом конституционализма является парламентаризм как специфическая система управления государством, в рамках которой парламент занимает главенствующее место. В Советском государстве в 1918 г. роль парламента выполнял Всероссийский съезд Советов (ст. 12, ст. 24 Конституции РСФСР), который являлся высшим представительным органом власти, наделенным и законотворческой инициативой. Помимо съезда Советов, широкими законодательными полномочиями были наделены Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) (ст. 32) и советское правительство — Совет народных комиссаров (СНК), подчиненное ВЦИК. В рамках складывающейся конституционной советской модели принцип разделения властей не реализовывался; на высшем государственном уровне происходило смешение полномочий органов законодательной и исполнительной власти, и, следовательно, о классическом парламентаризме говорить не приходится.

Пятым компонентом конституционализма является верховенство закона. Основным законом Советской России являлась Конституция РСФСР 1918 г., принятая V Всероссийским съездом Советов. Она обладала высшей юридической силой, выступала в качестве приоритетного источника права и регулировала общественные отношения, связанные с выстраиванием «новой советской государственно-политической и правовой модели. Советское право вплоть до начала 1920-х гг. было представлено не только законами (среди которых центральное место занимала Конституция РСФСР 1918 г.), но и проявлениями юридического мышления пролетарских правоприменителей, революционного правосознания и революционной правовой культуры. В таких условиях «классическому» принципу верховенства закона противопоставлялся идеологический компонент — «революционная целесообразность»: все решения о полезности или вредности для революции принимались на местах самими правоприменителями. Это стало характерным признаком советской правовой действительности в 1917 — начала 1920-х гг.

И наконец, шестым компонентом конституционализма является принцип разделения властей. Как уже отмечалось выше, теория разделения властей не признавалась советскими теоретиками марксизма-ленинизма и провозглашалась «вредной и буржуазной». Соответственно, принцип разделения властей в Конституции РСФСР 1918 г. закрепления не получил в силу «*полного и категорического непризнания теории разделения властей в ее классическом понимании*»⁹ советским руководством. Равновесие между органами законодательной и исполнительной ветвями власти обеспечивалось существованием однопартийной системы и фактическим единством государственного и партийного механизмов. Сложилась конституционная советская модель социального контроля общественной и политической элиты.

Возможно ли говорить в такой ситуации о существовании конституционализма? И да, и нет. Рассуждая о конституционализме как теоретической доктрине, О. Е. Кутафин писал: «...Третий период его развития был прерван Октябрьской революцией 1917 г.»¹⁰. Таким образом, ученый фактически констатировал прерывание этого процесса на долгие 70 лет существования советской власти. И с этим невозможно не согласиться. В этом ракурсе представляется уместным говорить лишь о попытке создания в РСФСР в 1918 г. нетрадиционной конституционной модели советского типа.

В то же время, если рассматривать конституционализм как теоретическую доктрину, то будет вполне логично заключить, что конституционализм в советский период не только существовал, но и активно развивался, получив твердое теоретическое обоснование и практическую реализацию. Доказательством этому является само существование Основного закона РСФСР 1918 г., принятого путем демократической процедуры, а также принятие последующих советских конституций, в которых нашли отражение большинство существенных характеристик конституционализма в его классическом понимании (кроме принципа разделения властей).

Конституция РСФСР 1918 г. явилась конституцией переходного периода: основы новой государственности еще только были заложены в сложных политических и

⁹ Марченко М. Н. Указ. соч. С. 169.

¹⁰ Крылов Б. С. Указ. соч. С. 117–118.

социально-экономических условиях ожесточенного сопротивления «свергнутых эксплуататорских классов», в условиях Гражданской войны и военной иностранной интервенции. Поэтому сам факт принятия Конституции РСФСР 1918 г. был чрезвычайно важен, и он в какой-то мере легитимизировал процессы, происходящие в советском обществе и государстве. Советская Россия в 1918 г. была государством диктатуры пролетариата, построенное во имя всеобщего благоденствия и равенства.

В завершении хотелось бы процитировать слова С. М. Шахрая: «Конституция... — это совесть... государства. В этом ее главный смысл и практическое значение»¹¹. Конституция РСФСР 1918 г. была «совестью» молодой советской России — государства, где фактически и идеологически сохранялось неравенство граждан, процветал произвол и нарушения прав. Потребовалось много времени, чтобы на смену революционной законности и идеологическим установкам целесообразности пришла идея социалистической законности, и была выстроена система советского правосудия. Говорить о построении классической конституционной модели в РСФСР в 1918 г. не представляется возможным. В то же время возможно говорить о попытках построения большевиками собственного конституционализма — советского типа, исходя из идеологических установок о равенстве, справедливости и законности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев Н. Н. Идея государства. — СПб., 2001. — 368 с.
2. Котляревский С. А. Власть и право. Проблема правового государства. — СПб., 2001. — 368 с.
3. Крылов Б. С. Проблемы российского конституционализма: Кутафин О. Е. Российский конституционализм: рец. на кн. // Государство и право. — 2009. — № 6. — С. 117–121.
4. Лукьянов А. И. Парламентаризм в России (вопросы истории, теории и практики). — М., 2010. — 304 с.
5. Марченко М. Н. Правовое государство и гражданское общество (теоретико-правовое исследование). — М., Проспект, 2015. — 648 с.
6. Шахрай С. М. Российский конституционализм: правовая доктрина и практическое воплощение // Вестник Московского университета. — Серия 26 : Государственный аудит. — 2013. — № 1. — С. 15–23.

REFERENCES

1. Alekseev NN. Ideya gosudarstva [The idea of the state]. St. Petersburg; 2001 (In Russ.)
2. Kotlyarevskiy SA. Vlast i pravo. Problema pravovogo gosudarstva [Power and Law. Problem of the rule of law]. St. Petersburg; 2001 (In Russ.).
3. Krylov BS. Problemy rossiyskogo konstitutsionalizma: Kutafin O. E. rossiyskiy konstitutsionalizm: rets. na kn. [Problems of Russian Constitutionalism: Kutafin O. E. Russian Constitutionalism: Book Review]. *State and Law*. 2009;6:117-121 (In Russ.).
4. Lukyanov AI. Parlamentarizm v Rossii (voprosy istorii, teorii i praktiki) [Parliamentarism in Russia (questions of history, theory and practice)]. Moscow; 2010 (In Russ.).
5. Marchenko MN. Pravovoe gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo (teoretiko-pravovoe issledovanie) [Law state and civil society (theoretical and legal research)]. Moscow: Prospekt Publ.; 2015 (In Russ.).
6. Shakhrai SM. Rossiyskiy konstitutsionalizm: pravovaya doktrina i prakticheskoe voploshchenie [Russian Constitutionalism: Legal Doctrine and Practical Implementation]. *Moscow Universitet Bulletin. Series 26: State Audit*. 2013;1:15-23 (In Russ.).

¹¹ Шахрай С. М. Российский конституционализм: правовая доктрина и практическое воплощение // Вестник Московского университета. Серия 26 : Государственный аудит. 2013. № 1. С. 23.

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.15.3.050-055

ПОЛОЖЕНИЕ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Токарева Светлана Николаевна, и. о. заведующего кафедрой теории и истории государства и права Курского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент
305000, Россия, Курск, ул. Радищева, д. 33
tokareva_sn@mail.ru

© Токарева С. Н., 2020

***Аннотация.** В статье рассмотрено несколько направлений изменений в организации и деятельности общей полиции Российской империи в условиях Первой мировой войны. Отмечаются попытки государственной власти нормативно изменить положение полиции, введение мер финансовой поддержки, а также расширение функций органов правопорядка, в том числе на завоеванных территориях.*

***Ключевые слова:** государство; государственное управление; полиция; аппарат полиции; реформа полиции; Первая мировая война; Российская империя.*

THE STATUS OF THE POLICE FORCE OF THE RUSSIAN EMPIRE WHILE ENSURING STATE INTERESTS DURING THE WORLD WAR I

Svetlana N. Tokareva, Cand. Sci. (History), Head of the Department of Theory and History of the State and Law, Kursk State University, Associate Professor
ul. Radishcheva, d. 33? Kursk, Russia, 305000
tokareva_sn@mail.ru

***Abstract.** The paper examines several directions of changes in the organization and activity of the police force of the Russian Empire in the conditions of the World War I. The author describes attempts made by the state authorities to normatively change the status of the police force, the introduction of financial support measures, as well as the expansion of the functions of law enforcement bodies, including the conquered territories.*

***Keywords:** state; public administration; police; police apparatus; police reform; World War I; Russian Empire.*

В начале XX в. происходили важные события во внутренней и внешней политике России. Первая мировая война непосредственным образом повлияла на преобразование государственных органов внутренней безопасности. Это же время ознаменовано февралем 1917 г, ставшим рубежом изменения в России государственного строя, после которого сломлен прежний полицейский аппарат. А уже

через восемь месяцев произошла Октябрьская революция. Указанные обстоятельства изменили и расширили направления деятельности правоохранительных органов, влекли за собой перемены в их аппарате. Рассмотрим преобразования в российской полиции по нескольким направлениям.

1. Структура и реорганизация полиции. В начале XX столетия общественно-политическая ситуация в России обострилась и определение количества полицейских и их распределение по уездам не обеспечивало должного правопорядка. Потребности и неудачи Первой мировой войны выявили ряд проблем, возникла необходимость содержания не только внешней, но и на «внутренней» армии. По предложению министра внутренних дел П. А. Столыпина осенью 1906 г. организовали комиссию под руководством А. А. Макарова, целью которой была подготовка реформы органов правопорядка¹. Но, несмотря на понимание необходимости перемен, преобразование полиции не стало приоритетным направлением. Николай II только 30 октября 1916 г. утвердил постановление Совета министров «Об усилении полиции в 50 губерниях Империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов». Эта попытка была запоздавшим способом исправить состояние органов правопорядка через увеличение штата и повышение благосостояния служащих, а не путем системных преобразований.

2. Штат и численность личного состава полиции. По архивным данным губерний Европейской части России в годы Первой мировой войны учащается смена лиц, занимавших должности полицмейстеров и уездных исправников. Штаты уездной полицейской стражи также были не заполнены. Так, в Тамбовской губернии к сентябрю 1916 г. некомплект среди стражников составлял 18 %². Причиной этого стали новые революционные волнения, поражения в Первой мировой войне, нежелание служить в органах правопорядка. Негативное отношение к общей полиции формировалось на основе гнева, вызванного деятельностью жандармерии. Кроме того, открывались вакансии столоначальников, секретарей, канцелярских служащих, регистраторов, которых призывали на военную службу по мобилизации. К началу 1917 г. количество вакантных должностей увеличивалось и губернаторы спрашивали у центральных властей разрешение привлекать к службе нижних чинов полиции эвакуированных губерний и нижних воинских чинов³.

В системе городских и уездных полицейских органов ввели новые должности из-за участия России в войне — полицейские надзиратели за военнообязанными, военнопленными, беженцами (например, в 1916 г. они были в Воронежской губернии). В задачи последних входило наблюдение за правильной выдачей экстренных отзывов для льготного проезда беженцев⁴.

После получения сообщений о февральских событиях в Петрограде на местах осуществлялось расформирование и разоружение органов полиции, служащих арестовывали. Функции охраны переходили народной милиции, дружинам и другим формированиям. После создания советской милиции собирались сведения о прежнем роде деятельности служащих. К примеру, в июле 1918 г. из начальников уездной и городской милиции и их помощников в Орловской губернии до Первой мировой войны более трети служили по гражданским ведомствам (в основном письмоводителями, писцами, конторщиками), 10 % были рабочими (от чернорабочего до мастера), учащимися, занимались сельскохозяйственными работами, часть работали в судебной системе. Во время войны ситуация изменилась: более трети стали из разного рода войск (из младшего командного состава или солдат), а не более 10 % — гражданских служащих⁵.

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 261. Д. 186. Л. 1–54 ; Государственный архив Тульской области. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 289. Л. 1–26.

² Государственный архив Тульской области. Ф. 2. Оп. 143. Д. 662. Л. 26–26 об.

³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 262. Д. 270. Л. 11–11 об.

⁴ Адрес-календарь Воронежской губернии на 1917 год. Воронеж, 1916. С. 1–185 ; Государственный архив Курской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8925. Л. 54, 56.

⁵ Государственный архив Орловской области. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 130ц. Л. 105–109 об.

Многие руководители советской милиции получили военный опыт во время Первой мировой войны. Так, с 1 декабря 1917 г. начальником орловской милиции стал А. П. Пол-Мордвинов — беспартийный, до Первой мировой войны был военным чиновником Окружного интендантского управления Казанского военного округа, во время войны — младшим офицером запасного пехотного полка и командующим ротой в действующей армии в 291 пехотном Трубчевском полку.

3. Финансирование полиции. Города были обязаны содержать полицейскую команду, предоставлять служащим помещения или квартирные деньги, обеспечивать вооружением, амуницией и провиантом⁶. Более того, городские думы могли выдавать служащим органов правопорядка деньги на разъезды⁷. Анализируя данные по черноземным губерниям России видно, что в начале XX в. постепенно увеличивались расходы на содержание городской полиции. После Первой русской революции города стали выделять практически больше в два раза средств на содержание полиции (до 15 % от общих расходов), а в 1914 г. наблюдается резкий спад этих расходов (до 4 %).

Оклады содержания полицейских в конце 1916 г. увеличились по сравнению с 1911 г. Так, заработная плата начальникам полиции была определена больше на 37–46 %, их помощникам — практически в два раза; начальнику сысского отделения — в два с половиной раза; приставам и их помощникам — почти в три раза, но им отменили процентные надбавки. Низшим полицейским служащим (городовым, стражникам, урядникам) сделали незначительную прибавку, в среднем на 1/4 часть. Наибольшее увеличение заработка из канцелярии произошло у секретарей полицейских управлений — в два раза⁸. Изменилась структура содержания служащих: ранее оно включало жалование, столовые и квартирные деньги для некоторых должностей, теперь же — жалование и квартирные деньги для всех. Несмотря на увеличение содержания при возросших продовольственных ценах эти суммы не являлись столь большими. Учитывая эти обстоятельства, император повелел внести в Совет министров представление о выдаче наименее материально обеспеченным классным и нижним чинам полиции особого денежного суточного довольствия впредь до окончания военных действий⁹. За 1-е полугодие 1916 г. размер его составлял 8–13 руб. (30–40 % к окладу) чинов полицейской стражи¹⁰.

На разрастающийся в начале XX в. правоохранительный аппарат требовалось все больше финансовых затрат. Увеличенное содержание часто выдавалось с задержкой, что также влияло на желание полицейских покинуть службу. Более того, большие расходы шли на содержание жандармерии и проводимых ею мероприятий на фоне революционной ситуации, заграничную агентуру, ведение войны, а обеспечение общей полиции отходило на второй план. Произошедшие вскоре внутривластные события не позволяют рассмотреть эффективность введенных мер и возможности казны по содержанию новых штатов.

4. Добавление новых функций полиции. Вступление России в Первую мировую войну сказалось и на внутренней жизни страны. 13 июля 1914 г. введено положение о подготовительном к войне периоде и на полицию приходилось «окарауливание и обслуживание всех казенных учреждений гражданского ведомства»¹¹. В местностях, объявленных на военном положении, 20 июля 1914 г. было утверждено Временное положение о военной цензуре, в соответствии с которым

⁶ Государственный архив Курской области. Ф. 33. Оп. 31. Д. 945. Л. 24–28; Государственный архив Тульской области. Ф. 2. Оп. 143. Д. 189. Л. 10, 16, 34; Смета доходов и расходов г. Тамбова на 1917 г. Тамбов, 1917. С. 172–176.

⁷ Государственный архив Курской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10465. Л. 9 об.10.

⁸ Государственный архив Курской области. Ф. 33. Оп. 2. Д. 15165. Л. 40 об.43, 48 об.50 об.; Государственный архив Тульской области. Ф. 2. Оп. 143. Д. 665. Л. 34 об.37.

⁹ Государственный архив Тульской области. Ф. 252. Оп. 1. Д. 122. Л. 1.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Д/п 2. Оп. 75. 1916. Д. 38. Ч. 9. Л. 5; Ч. 19. Л. 4; Ч. 28. Л. 4–4об.; Ч. 41. Л. 9.

¹¹ Государственный архив Курской области. Ф. 141. Оп. 1. Д. 170. Л. 10.

полицейские контролировали публикации и содержание лекций ораторов¹². Кроме наблюдения за иностранцами и евреям, в это время тщательному надзору подверглись немецкие и австро-венгерские подданные¹³. Полиция собирала сведения об обществах, состоявших из лиц преимущественно немецкой национальности, и их деятельности¹⁴.

Летом 1915 г. Департамент полиции сообщал, что наблюдалось массовое возвращение из Германии через Финляндию состоящих в подданстве России евреев военнообязанного возраста как случайно застигнутых в Германии объявлением войны, так и издавна там проживавших. Некоторые из них, по внешнему виду совершенно здоровые, объясняли свое освобождение из германского плена болезненным состоянием, другие заявляли, что они освобождены благодаря знакомству с высокопоставленными в Германии лицами военного и гражданского ведомств. Предполагая, что они могли освобождаться с военно-разведывательными целями, требовалось собирать сведения о таких прибывших¹⁵.

Наблюдая за приезжающим и проживающим населением, чины полиции проверяли домовые книги. Так, 17 декабря 1916 г. домовладельцам г. Липецка и Липецкого уезда объявлялось, что в случае отъезда из квартир беженцев, они должны были заблаговременно сообщать об этом чинам полиции, а последние извещали местную комиссию по устройству беженцев¹⁶. С 1915 г. полиция также должна была оказывать содействие казенным палатам при взыскании пособий и ссуд на возвращение в Россию русских подданных, находившихся за границей¹⁷.

В функции полиции входил розыск нижних военных чинов, не явившихся по месту назначения и самовольно отлучившихся. Работа в этом направлении особенно усилилась во время Первой мировой войны¹⁸. В системе органов правопорядка появились новые подразделения. Так, в документах за октябрь 1916 г. упоминается «2-й военно-полицейский участок г. Брянска» по наблюдению за «воинскими чинами»¹⁹. Начальники местной полиции во время Русско-японской и Первой мировой войн должны были сообщать семьям о судьбе призванных, их смерти или нахождении в плену²⁰.

Мздоимство и лихоимство или, говоря современным языком, взяточничество, имело место и в полицейских структурах. В период Первой мировой войны участились случаи предложения денег за сокрытие местонахождения лиц, уклонявшихся от призыва на военную службу, за незадержание солдат, прибывших без отпускного билета и т. п.²¹ Такие явления в целом ухудшали криминогенную обстановку на фоне роста гражданской преступности в период Первой мировой войны²².

При исследовании нам встретился интересный документ, где устанавливались нормы права на местном уровне. Тамбовский губернатор 4 августа 1914 г. распорядился воспретить противодействие законным требованиям и распоряжениям правительственных властей, публичное распространение имеющих общегосударственное значение ложных слухов, а также демонстративно-дерзкие выходки по отношению к чинам полиции и к другим должностным лицам при исполнении ими

¹² Государственный архив Курской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8507. Л. 1, 9, 11, 54.

¹³ Государственный архив Курской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8667. Л. 24–28; Д. 8914. Л. 22–23.

¹⁴ Государственный архив Курской области. Ф. 148. Оп. 1. Д. 13. Л. 8, 9–27.

¹⁵ Центральный исторический архив г. Москвы. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 12. Л. 7–7 об.

¹⁶ Сборник документов по истории органов внутренних дел России / сост. А. В. Кирнос, В. В. Никитяева, А. В. Плеханова. Ч. 1. Воронеж, 2006. С. 106–107.

¹⁷ Государственный архив Курской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8474. Л. 19.

¹⁸ Государственный архив Курской области. Ф. 33. Оп. 2. Д. 16914. Л. 1–4 об.

¹⁹ Поляков Г. П. Из истории полиции Брянска в начале XX в. // История Брянской земли (в последней трети XVI — 20-е годы XX в.): очерки и статьи. Брянск, 2007. С. 103.

²⁰ Государственный архив Курской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7455. Л. 87, 97, 112.

²¹ Государственный архив Курской области. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 56. Л. 6, 25.

²² Родин Д. П. Статистика преступности во время и после Европейской войны в разных странах. Доклад пленуму института 16 ноября 1925 г. // Проблемы преступности: сб. М.; Л., 1926. С. 176, 183.

служебных обязанностей²³. Виновные в административном порядке заключались в тюрьму или крепость на 3 месяца, аресту на тот же срок или штрафу до 3 000 руб. Для Тамбовской губернии этот вопрос был актуальным, так как четверть крестьянских выступлений относились к массовым²⁴, приводившим к столкновению с полицией. Более интенсивно события развивались в первые годы работы землеустроительных комиссий в ходе проведения «столыпинской» аграрной реформы и в период Первой мировой войны. В условиях социальной нестабильности у полицейских появились дополнительные обязанности (охрана почтовых ценностей и телеграфных линий)²⁵.

5. Командировки полиции. Участвуя в Первой мировой войне, Россия с переменным успехом завоевывала территории на фронте. Стоит отметить, что чины полиции привлекались к службе на занятой местности. Так, из Орловской губернии в Галицию командировались полицейские служащие со своими лошадьми²⁶, им сохранялся оклад (720 руб. уряднику, 540 руб. стражнику) и по 20 руб. фуражных²⁷. На 28 сентября 1914 г. в г. Орел было вызвано для командировки в г. Львов 72 человека из уездов с полным конским снаряжением, вооружением и 35 боевыми патронами у каждого, полшубками и плащами²⁸.

По сообщению военного генерал-губернатора Галиции, генерал-адъютанта графа Г. А. Бобринского, в конце 1915 — начале 1916 г. ожидалось вновь занятие Галиции русскими войсками. Он обратился к министру внутренних дел с просьбой рекомендовать лиц в качестве кандидатов на должности начальников уездов и их помощников по административной и полицейской части. Это предложение было высказано начальникам местных полицейских управлений через губернаторов. В списке указывалось образование кандидатов и наложенные на них дисциплинарные взыскания по службе²⁹. Полицейские должны были дать согласие на занятие должности в Галиции, которое вместе с их формулярным списком пересылалось военному генерал-губернатору Галиции.

После занятия территорий Австро-Венгрии российское правительство предлагало служащим долговременные командировки для занятия там административно-полицейских должностей, обещая повышенные оклады содержания. К примеру, тамбовским городовым в Галиции назначалось от 54 руб. до 68 руб. 76 коп., стражникам — от 75 руб. до 99 руб., урядникам — от 60 руб. до 150 руб. ежемесячно³⁰. Чаще всего содержание получали семьи служащих, но и в этом случае возникали трудности. Иногда выплата задерживалась до 8 месяцев, особенно в 1915 г., но к октябрю 1916 г. власти рассчитались с задолженностями³¹. Циркуляр МВД от 28.04.1917 рассматривал вопрос о порядке увольнения со службы чинов полиции эвакуированных губерний, командированных в распоряжение военных властей, в учреждения по устройству беженцев и в занятые области Австро-Венгрии и Турции. Отстраненных полицейских должны были удовлетворить всеми видами довольствия³².

Исходя из вышеперечисленных изменений по разным направлениям организации и деятельности российской полиции в период Первой мировой войны можно

²³ Сборник документов по истории органов внутренних дел России. С. 104.

²⁴ Токарев Н. В. Правоприменительная практика местной администрации в период столыпинской модернизации: Тамбовская губерния, 1907–1916 гг. // Актуальные проблемы уголовного законодательства и правоприменительной практики. Тамбов, 2002. С. 170–176.

²⁵ Государственный архив Воронежской области. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 997. Л. 10–11 ; Д. 2124. Л. 15.

²⁶ Государственный архив Орловской области. Ф. 706. Оп. 3. Д. 148. Л. 108–109.

²⁷ Государственный архив Орловской области. Ф. 706. Оп. 3. Д. 148. Л. 1.

²⁸ Государственный архив Орловской области. Ф. 706. Оп. 3. Д. 148. Л. 39, 40.

²⁹ Государственный архив Курской области. Ф. 33. Оп. 31. Д. 2007. Л. 1–5, 12.

³⁰ Государственный архив Тульской области. Ф. 2. Оп. 143. Д. 549. Л. 161–163 об., 262–263 об., 387–388 об., 471–472 об.

³¹ Государственный архив Курской области. Ф. 33. Оп. 2. Д. 17089. Л. 2, 3, 25.

³² Государственный архив Курской области. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 61. Л. 74, 131.

констатировать, что при достаточно важной ее роли в период социальной нестабильности и увеличения объема работ общей полиции уделялось второстепенное внимание после армии и жандармерии.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Адрес-календарь Воронежской губернии на 1917 год. — Воронеж, 1916. — 285 с.
2. Поляков Г. П. Из истории полиции Брянска в начале XX в. // История Брянской земли (в последней трети XVI — 20-е годы XX в.): очерки и статьи. — Брянск, 2007. — С. 97–105..
3. Родин Д. П. Статистика преступности во время и после Европейской войны в разных странах. Доклад пленуму института 16 ноября 1925 г. // Проблемы преступности : сб. — М.; Л., 1926. — С. 173–191.
4. Сборник документов по истории органов внутренних дел России / сост. А. В. Киринос, В. В. Никитяева, А. В. Плеханова. — Ч. 1. — Воронеж, 2006. — 176 с.
5. Смета доходов и расходов г. Тамбова на 1917 г. — Тамбов, 1917. — 176 с.
6. Токарев Н. В. Правоприменительная практика местной администрации в период столыпинской модернизации: Тамбовская губерния, 1907–1916 гг. // Актуальные проблемы уголовного законодательства и правоприменительной практики. — Тамбов, 2002. — С. 170–176.

REFERENCES

1. Address-Calendar of Voronezh Governorate for the year 1917. Voronezh; 1916 (In Russ.).
2. Polyakov GP. Iz istorii politsii Bryanska v nachale XX v. [From the history of Bryansk police in the early twentieth century]. In: History of Bryansk Land (in the last third of the XVI — 20s of XX century): essays and articles. Bryansk; 2007 (In Russ.).
3. Rodin DP. Statistika prestupnosti vo vremya i posle evropeyskoy voyny v raznykh stranakh. Doklad plenumu instituta 16 noyabrya 1925 g. [Crime statistics during and after the European War in different countries. Report to the Plenum of the Institute on November 16, 1925]. In: Problems of crime: Collection of Works. Moscow; Leningrad; 1926 (In Russ.).
4. Collection of documents on the history of internal affairs bodies of Russia. Compiled by AV. Kirnos, VV. Nikityaeva, AV. Plekhanova. Part 1. Voronezh; 2006 (In Russ.).
5. Estimates of income and expenses of g. Tambov in 1917. Tambov; 1917 (In Russ.).
6. Tokarev NV. Law enforcement practice of local administration in the period of Stolypin modernization: Tambov Governorate, 1907–1916. In: Actual problems of criminal legislation and law enforcement practice. Tambov; 2002 (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.15.3.056-060

ПОДХОДЫ К РАЗРЕШЕНИЮ СПОРОВ В ЗЕМЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ 1970–1990-х гг.

Шиляев Александр Витальевич, помощник заместителя председателя
Арбитражного суда Московской области
107053, Россия, Москва, пр. Академика Сахарова, д. 18
anekst@gmail.com

© Шиляев А. В., 2020

***Аннотация.** В статье проведен историко-правовой анализ возникновения прав на земельные участки на основании разрешения споров заинтересованных лиц в 1970–1990-е гг., рассмотрено место вступившего в законную силу судебного акта как способа разрешения спора в системе оснований регистрации прав в российском законодательстве.*

***Ключевые слова:** право; законодательство; вещные права; земельный участок; государственная регистрация; судебный акт; способ защиты.*

APPROACHES TO DISPUTE RESOLUTION IN LAND LEGISLATION FROM 1970S-1990S

Aleksandr V. Shilyaev, Assistant Deputy Chairman, Arbitrazh Court of the Moscow Region
ul. Akademika Sakharova, d. 18, Moscow, Russia, 107053
anekst@gmail.com

***Abstract.** The paper provides historical and legal analysis of the emergence of rights to land plots on the basis of the resolution of disputes of interested persons in 1970–1990s. The author examines the place of the legal act that entered into force as a way of resolving a dispute in the system of grounds for registration of rights in Russian legislation.*

***Keywords:** law; legislation; property rights; land plot; state registration; judicial act; method of protection.*

В процессе ведения как хозяйственной деятельности экономическими субъектами, так и деятельности отдельных граждан в целях удовлетворения личных потребностей неизбежным становится вопрос защиты прав на недвижимое имущество, особое место среди которого занимают земельные участки. С практической точки зрения земельный спор всегда возникает в результате совершения либо несовершения каких-либо действий обязанными лицами, а возникшие разногласия и конфликт интересов невозможно урегулировать самостоятельно. Предметом спора выступают субъективные права на землю и законные земельные интересы граждан и юридических лиц¹.

¹ Умеренко Ю. А. Земельные споры в Российской Федерации: понятие и классификация // Современное право. 2018. № 12. С. 65–73.

Необходимость закрепления такой дефиниции представляется малоцелесообразной, поскольку результатом рассмотрения спора является устранение нарушенных прав и законных интересов землепользователей, а согласно ст. 64 ЗК РФ, земельные споры подлежат разрешению в судебном порядке. Земельные споры следует исследовать в разрезе и материального права (на основании каких норм и доказательств принято решение), и процессуального (соблюдение предусмотренных прав землепользователей при рассмотрении судебного дела).

Разрешение указанных вопросов не представляется возможным без изучения причин возникновения споров, порядка их регулирования в исторической ретроспективе, без оценки трансформации подходов к разрешению споров. Данному аспекту в современной научной литературе уделено недостаточное внимание, что определяет его актуальность и новизну. Исторический анализ разрешения споров позволяет понять причину их возникновения и определить способ защиты восстановления нарушенного права в том или ином земельном споре. Выявление особенностей разрешения таких споров в советский и постсоветский периоды позволит не только понять природу их возникновения, но и оценить перспективы развития и разрешения на современном этапе. В качестве периода исследования наиболее значительный интерес представляют 1970–1990 гг., поскольку Законом СССР от 13.12.1968 № 3401-VII утверждены Основы земельного законодательства СССР и союзных республик, которые определили дальнейший вектор развития регулирования земельных правоотношений.

В конце 1960-х гг. остро встал вопрос о необходимости кодификации земельного законодательства на уровне как СССР, так и отдельных республик². Такая необходимость обуславливалась интенсивным вовлечением в хозяйственный оборот земельных участков, и задачами такого регулирования являлись обеспечение рационального использования земель, создание условий повышения их эффективности, охрана прав организаций и граждан, укрепление законности в области земельных отношений. Правовые основы регулирования данных вопросов изложены в упомянутых Основах земельного законодательства.

Особый интерес представляет ст. 40 Основ земельного законодательства, которая регулировала порядок разрешения земельных споров, которая впоследствии также отражена в ст. 125 ЗК РСФСР 1970 г. Уполномоченными органами по разрешению земельных споров являлись Советы Министров союзных республик, Советы Министров автономных республик, исполнительные комитеты Советов депутатов трудящихся различных уровней. На законодательном уровне фактически был утвержден административный порядок разрешения спора. С одной стороны, отвод земельных участков производился на основании решения исполнительного комитета соответствующего Совета депутатов трудящихся в порядке ст. 12 ЗК РСФСР 1970 г. С другой стороны, этот же уполномоченный орган разрешал земельные споры, возникавшие на основании ранее принятых им же решений о выделении земли, что могло свидетельствовать о субъективности принятого решения по существу конкретного спора.

Процессуально порядок рассмотрения споров в Основах земельного законодательства и Земельном кодексе РСФСР 1970 г. отражен в недостаточной мере. Положения указанных нормативных актов в большей степени определяли полномочия тех или иных Советов депутатов трудящихся, квалификация которых для разрешения специфичных отношений, которыми являются земельные, вызывала вопросы. Статья 133 Земельного кодекса РСФСР 1970 г. предусматривала возможность создания специальных комиссий из депутатов местных Советов депутатов трудящихся, представителей землеустроительных органов и специалистов сельского хозяйства для рассмотрения спора. Однако данная норма не была императивной, а также остался неурегулированным порядок формирования комиссий и их состав.

Еще одним процессуальным недостатком можно отметить отсутствие порядка обжалования принятого решения, что не способствовало реализации прав на

² Бариев А. Г. Земельные споры: постановка проблемы, общие положения, процессуальные особенности // Вестник гражданского процесса. 2018. № 5. С. 213–244.

защиту нарушенных прав и законных интересов землепользователей, в том числе и на судебную. В судебном порядке рассмотрению подлежали только споры между совладельцами индивидуальных строений о порядке пользования общим земельным участком (ст. 134 ЗК РСФСР 1970 г.). Обозначенные процессуальные особенности, закрепленные в 1970 гг., не соответствовали порядку, установленному прежним Земельным кодексом РСФСР от 1922 г., который регулировал и формирование уполномоченных органов по рассмотрению земельных споров (земельных комиссий, ст. 206, 207), и порядок обжалования принятых ими решений (ст. 217, 218).

Административный порядок разрешения споров в указанных условиях являлся оптимальным, поскольку земельные правоотношения регулировались методом подчинения его участников, а права землепользователей зависели от права государственной собственности, были вторичными по отношению к нему.

Отсутствие специальных познаний у уполномоченных органов по разрешению споров в 1970-е гг. не способствовало стабильности оборота земель и правовой определенности, в связи с чем с точки зрения материального права, важным является включение в ЗК РСФСР 1970 г. положений, касающихся подтверждения прав землепользователей.

Наиболее важным в данном контексте является законодательное закрепление процедуры удостоверения права землепользователей специальными документами — государственными актами на право пользования землей, которые выдавались исполнительными комитетами районных, городских Советов народных депутатов (ст. 18 ЗК РСФСР 1970 г., постановление Совмина СССР от 06.03.1975 № 199 «О выдаче землепользователям государственных актов на право пользования землей»). Прежде выдача государственных актов предполагалась только в случаях пользования землей сельскохозяйственной артелью (постановление СНК СССР от 07.07.1935 № 1385 «О выдаче сельскохозяйственным артелям государственных актов на бессрочное (вечное) пользование землей»).

В 1970-е гг. заложены основы рассмотрения земельных споров и определены органы, осуществляющие распоряжение землями, находящимися в государственной собственности. После введения в действие Земельного кодекса РСФСР 1970 г. формализована процедура удостоверения возникших прав, появление которой обусловлено не только увеличенным вовлечением земель в хозяйственную деятельность, но и необходимостью защиты прав на выделенные земельные участки. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что в 1970-е гг. правовое регулирование земельных отношений было сформировано, на тот период времени вероятность возникновения земельных споров была сведена к минимуму. Установленный порядок базировался на исключительности государственной собственности на землю, недопустимости ее гражданского оборота, бесплатности землепользования³.

Существующий порядок разрешения спора сохранялся вплоть до 1990–1991 гг., после периода масштабных реформ во всех областях хозяйственной деятельности земельный участок становится полноценным объектом гражданского права. Как отметил П. В. Крашенинников, реформы 1990-х гг. вновь возвратили земельные участки в сферу гражданско-правового регулирования, провозглашено равенство государственной, колхозно-кооперативной, частной, коллективно-долевой форм собственности, а монополия государства на землю на территории РСФСР была отменена⁴. Происходит смещение метода регулирования земельных правоотношений к диспозитивному, основанному на равенстве и автономии воли их участников. Соответственно, в 1990-е гг. происходит трансформация подхода к разрешению земельных споров, которая продиктована изменениями норм материального права.

³ Липски С. А. Закономерности и особенности развития законодательства о земле и иной недвижимости в постсоветской России // Правовые вопросы недвижимости. 2017. С. 26.

⁴ Крашенинников П. В. Взаимосвязь частноправовых отраслей законодательства (гражданское, семейное, жилищное и земельное) // Закон. 2017. № 2. С. 90–100.

Однако поскольку прежним земельным законодательством процессуальные основы были урегулированы в недостаточной степени, ЗК РСФСР 1990 г. ограничился расширением круга полномочных органов по разрешению земельных споров: земельные споры разрешаются Советами народных депутатов, судом или арбитражным судом (ст. 115), а также предоставлением заинтересованным лицам возможности представлять свои доводы в защиту своих прав и законных интересов при рассмотрении спора. Несовершенство процессуального порядка разрешения спора привело к тому, что указанная статья просуществовала всего два года.

В период 1970–1990 гг. подход к разрешению споров претерпел значительные изменения как в материальном, так и процессуальном плане. Главным итогом в материальном смысле является введение правоустанавливающих документов на земельные участки (государственный акт, свидетельство о праве). Согласно ст. 14 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», акты, изданные уполномоченными органами в рамках их компетенции и в порядке, действовавшем на момент их издания, признаются в качестве основания для проведения государственной регистрации прав.

В настоящее время землепользователи, получившие права в период 1970–1990-е гг., сталкиваются с проблемами их реализации как в сфере административных, так и гражданских правоотношений. Особенно ярко данная проблема проявила себя с вступлением в силу Закона № 218-ФЗ, из системного толкования положений которого следует, что земельный участок, границы которого не установлены в соответствии с требованиями действующего земельного законодательства, не может выступать в качестве объекта гражданских прав и быть предметом сделок.

В таком случае землепользователи не лишены возможности обратиться за защитой своих прав. Судебный порядок разрешения споров, как указано ранее, установлен в ЗК РФ. Указанный способ в процессе эволюции подходов к разрешению споров установлен в качестве приоритетного, что обуславливается не только необходимым уровнем применения судами норм материального и процессуального права, но и «окончателюстью» судебных актов. Обязательность вступивших в законную силу актов закреплена в процессуальном законодательстве (ст. 13 ГПК РФ, ст. 16 АПК РФ, ст. 16 КАС РФ), и такие решения также являются основанием для осуществления государственной регистрации прав на земельные участки.

Основы земельного законодательства 1968 г. и Земельный кодекс РСФСР 1970 г. не только заложили материальную основу регулирования земельных правоотношений, элементы которой нашли свое отражение в действующем законодательстве, но и предусмотрели порядок документального закрепления прав на земельные участки.

Нормативные акты 1990-х гг. определили в качестве приоритетного способа разрешения земельного спора обращение в соответствующий суд. Безусловно, административный порядок разрешения, являвшийся базовым в советском законодательстве, не утратил своей актуальности при рассмотрении некоторых земельных споров в настоящее время (по установлению кадастровой стоимости земельного участка, об осуществлении кадастрового учета, споры по исчислению земельного налога и др.), однако такой порядок стоит рассматривать как дополнительный и внесудебный. Невозможность восстановления нарушенных прав в административном порядке является основанием для обращения в суд, решения административных органов могут быть обжалованы в установленном процессуальным законодательством порядке.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бариев А. Г. Земельные споры: постановка проблемы, общие положения, процессуальные особенности // Вестник гражданского процесса. — 2018. — № 5. — С. 213–244.
2. Крашенинников П. В. Взаимосвязь частноправовых отраслей законодательства (гражданское, семейное, жилищное и земельное) // Закон. — 2017. — № 2. — С. 90–100.

3. Липски С. А. Закономерности и особенности развития законодательства о земле и иной недвижимости в постсоветской России // Правовые вопросы недвижимости. — 2017. — С. 26–30.
4. Умеренко Ю. А. Земельные споры в Российской Федерации: понятие и классификация // Современное право. — 2018. — № 12. — С. 65–73.

REFERENCES

1. Bariev AG. Zemelnye spory: postanovka problemy, obshchie polozheniya, protsessualnye osobennosti [Land disputes: problem statement, general provisions, procedural features]. *Herald of Civil Procedure*. 2018;5:213-244 (In Russ.).
2. Krasheninnikov PV. Vzaimosvyaz chastnopravovykh otrasley zakonodatelstva (grazhdanskoe, semeynoe, zhilishchnoe i zemelnoe) [Interrelation of private legal branches of legislation (civil, family, housing and land)]. *Zakon*. 2017;2:90-100 (In Russ.).
3. Lipski SA. Regularities and peculiarities of development of legislation on land and other real estate in post-Soviet Russia]. *Legal Issues of Real Estate*. 2017;1:26-30 (In Russ.).
4. Umerenko YuA. Zemelnye spory v Rossiyskoy Federatsii: ponyatie i klassifikatsiya [Land disputes in the Russian Federation: concept and classification]. *Modern Law*. 2018;12:65-73 (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.15.3.061-064

ТОКИЙСКИЙ ПРОЦЕСС: СПРАВЕДЛИВОСТЬ ИЛИ ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИКЦИЯ

Пиддубривная Альбина Юрьевна, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент
198206, Россия, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилутова, д. 1
alba.78@mail.ru

© Пиддубривная А. Ю., 2020

***Аннотация.** В статье освещаются вопросы, связанные с проведением Международного военного трибунала в Токио над японскими военными преступниками и его последствия для участников трибунала.*

***Ключевые слова:** государство; право; санкции; Вторая мировая война; Токийский процесс, трибунал, Устав Трибунала; Япония; СССР; США.*

TOKYO TRIAL: JUSTICE OR LEGAL FICTION

Albina Yu. Piddubrivnaya, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer, Department of Civil Law and Civil Procedure, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
ul. Letchika Pilyutova, d. 1, St. Petersburg, Russia, 198206
alba.78@mail.ru

***Abstract.** The paper highlights the issues related to the holding of the Tokyo International Military Tribunal on Japanese war criminals and its implications for the participants of the Tribunal.*

***Keywords:** State; law; sanctions; World War II; Tokyo process, tribunal, statute of the Tribunal; Japan; USSR; USA.*

В историческом контексте, прошло не так много времени с момента окончания Второй мировой войны и те соглашения, которые казались незыблемы в день их подписания, уже давно пересмотрены. Токийский процесс, несмотря на кажущееся единодушие союзников, во многом определил будущие направления «холодной войны» и имел характер политического, нежели юридического процесса и в некотором смысле стал негласным противостоянием между США и СССР. Токийский процесс оказался в тени Нюрнбергского процесса, но именно его результаты в последствии будут поставлены под сомнение и те, кто отрицают законность этого процесса, станут утверждать, что нет и не может быть справедливости, где речь идет о суде «победителя» над «побежденным».

Правовым основанием для проведения трибунала, как нам известно, послужила Потсдамская декларация от 26.07.1945, и Акт о капитуляции Японии от 02.09.1945, где, одним из условий принятия капитуляции, выступало требование о реализации

Потсдамской декларации, которая допускала возможность наказания военных преступников. Поскольку Япония на тот момент находилась под американской оккупацией, то фактически организацией процесса занимался штаб союзных оккупационных войск, который возглавлял генерал Д. Макартур¹. Подход к подбору кандидатур судей, для участия в Трибунале в последствии, повлечет за собой многочисленные споры и дискуссии, поскольку он не предусматривал участие представителей нейтральных государств. Основным лейтмотивом споров является вопрос справедливости судебного процесса.

Вести процесс было поручено У. Уэббу, который представлял Австралию, от США в суде выступал прокурор Дж. Киннан. Американской администрацией бы разработан Устав Трибунала, а также Правила процедуры и Регламент Трибунала. Правительство США, как главный организатор трибунала, взяло на себя расходы по его содержанию. Возможно поэтому судопроизводство велось на английском языке и на языке обвиняемых (п. в ст. 9 Устава Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока), что и определило порядок предоставления защиты обвиняемым, она была представлена американскими и японскими защитниками, причем американские защитники назначались военным министром США.

Международный трибунал для Дальнего Востока открылся 3 мая 1946 г. Суду военного трибунала было передано 28 представителей правящей элиты Японии (изначально список состоял из 29 фамилий, но бывший премьер-министр Японии К. Кидо, накануне суда покончил жизнь самоубийством). Не все военные преступники Японии оказались на скамье подсудимых, в силу разных причин, кто-то предпочел добровольную смерть, а некоторых исключили из числа подсудимых непосредственно в процессе, как например С. Окаву, идеолога японского милитаризма, поскольку судебно-психиатрическая экспертиза признала его невменяемым.

Неоднозначно было воспринято освобождение от ответственности императора Хирохито и членов императорской семьи, не все судьи одобряли подобную «индальгенцию», свое недовольство выказывал председатель трибунала У. Уэбб, а также французский судья А. Бернар. Если в отношении императорской семьи такая позиция могла быть оправдана, исходя из особенностей традиционного государственного устройства самой Японии, то иммунитет данный разработчикам бактериологического оружия, во главе с микробиологом С. Исии, руководителем печально известного отряда 731, вызывает недоумение, поскольку сам отряд был организован в целях подготовки бактериологической войны (бактериологическое оружие предполагалось использовать против СССР, Монгольской Народной Республики и Китая). Возможно данное решение было обусловлено желанием США воспользоваться японскими разработками в данной области (были серьезные подозрения, что «достижение» отряда 731 использовались США во время войны в Корее)². Игнорирование преступных действий руководителей отряда и его участников, инициировало проведение Хабаровского процесса. Сам процесс проходил в открытой форме, все материалы дела и сам приговор, были в последствии опубликованы³.

Что касается Токийского процесса, то в отношении каждого из подсудимых, выносился отдельный приговор, который принимался в ходе тайного голосования простым большинством голосов. Против вышей меры наказания для всех подсудимых выступали следующие судьи:

- У. Уэбб (Австралия),
- И. М. Зарянов (СССР),
- Р. Пэл (Индия),
- А. Бернар (Франция).

Проголосовавшие за все смертные приговоры судьи:

¹ Николаев А. Н. Токио: суд народов. По воспоминаниям участника процесса. М., 1990. С. 31.

² Моримура С. Кухня дьявола. М., 1983. С. 300.

³ Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М., 1950. 537 с.

- У. Патрик (Англия),
- М. Жодао (Китай),
- Д. Джаранилла (Филиппины),
- Б. Роллинг (Голландия)⁴.

Среди судей не было однозначного мнения, относительно объективности приговора, вынесенного Трибуналом. Филиппинский судья Д. Харанилла полагал, что приговоры трибунала слишком мягкими (впрочем, сто́ит отметить, что во время войны он попал в плен и прошел Батаанский марш смерти). Судья Б. Роллинг, представлявший Голландию, наоборот считал, что приговор не в полной мере является справедливым, поскольку среди судей не было представителей нейтральных стран, а также самих японцев (сто́ит отметить, что в 1981 г., когда были раскрыты отдельные материалы, в которых детально описывались эксперименты, проводимые отрядом 731, он выразит сожаление, поскольку настоящие военные преступники оказались скрыты от судебного преследования правительством США⁵). Наиболее резко в отношении приговора, высказывался индийский судья Р. Пэл. Он видел в процессе проявление колониальной политики США и Великобритании, а также отмечал, что использованием атомной бомбы, лишает право США быть в роли обвинителя на данном процессе. Р. Пэл утверждал, что в основе процесса лежит чувство справедливости победителя, над побежденным (впоследствии в честь Р. Пэла в Токио, в храме Ясукуни будет воздвигнут монумент)⁶.

Последнее заседание Трибунала состоялось 12 ноября 1948 г., на этом заседании были оглашены выводы относительно каждого из 25 подсудимых, а также заявления председателя У. Уэбба относительно позиции отдельных судей Трибунала, а именно члена Трибунала от Индии, который не согласен с приговором и представил заявление с указанием причин несогласия, заявлением членов Трибунала от Франции и Голландии, частично не согласных с приговором, а также особое мнение члена Трибунала от Филиппин. Несмотря на обращение защиты, с просьбой об оглашении этих заявлений в судебном заседании, в ходатайстве было отказано. В соответствии с обвинительным заключением к высшей мере наказания были приговорены: М. Акира, М. Иванэ, Х. Коки, Д. Кэндзи, И. Сэйсио, Т. Хидэки, К. Хэйтаро⁷.

22 ноября 1948 г. Д. Макартур утверждает приговор, но одновременно принял апелляции осужденных, направленных не в Трибунал, а в Верховный суд США (жалобы были приняты и назначены к рассмотрению на 16 декабря 1948 г.). Действия Верховного суда США вызвало большой политический резонанс. Под давлением мировой общественности в процесс пришлось вмешаться Правительству США и указать, что решение выходит за рамки компетенции национального суда. 20 декабря Верховный суд США отказал в пересмотре приговора, вынесенного Международным военным трибуналом⁸. В итоге все приговоры, включая высшую меру наказания, были приведены в исполнение.

США начали проводить так называемый «обратный курс» в отношении Японии. Прекратили уголовное преследование в отношении всех подозреваемых в военных преступлениях лицах. В марте 1950 г. генералом Д. Макартуром издается директива, согласно которой, *«все военные преступники, отбывавшие на то время заключение по приговорам всех военных судов (в том числе и по приговорам Международного военного трибунала для Дальнего Востока) могут быть освобождены»*⁹.

⁴ Катасонова А. Токийский Нюрнберг (12 октября 2017 г.) // Официальный сайт Минобороны России. URL: http://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=12101798@cmsArticle (дата обращения: 01.12.2020).

⁵ Звягинцев А. Г. Отравители без хризантем // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 4. С. 36.

⁶ Звягинцев А. Г. Ветер возмездия: уроки Токийского международного военного трибунала: к 70-летию Токийского процесса. М., 2019. С. 335.

⁷ Николаев А. Н. Указ. соч. С. 89.

⁸ Николаев А. Н. Указ. соч. С. 391–392.

⁹ Катасонова А. Указ. соч.

После вступления в силу Сан-Францисского мирного договора в 1952 г. была объявлена всеобщая амнистия. Интересно, что С. Мамору (посол в Нанкинском правительстве — 1941–1943 гг., министр иностранных дел — 1943–1944 гг., по совместительству министр по делам Великой Восточной Азии), осужденный приговором к 7 года заключения, впоследствии стал министром иностранных дел и первым представителем Японии в ООН, а приговоренный к пожизненному заключению К. Окинори, (министр финансов) в 1963 г. — министром юстиции.

16 августа 1960 г. на горе Микэнояма, около города Нагоя, с соблюдением всех необходимых почестей, был открыт памятник военным преступникам, повешенным по приговору Трибунала 1948 г. На памятнике есть такая надпись: «Могила семи самураев — мучеников». С позиции самих японских граждан, данное событие, выглядит вполне логично, поскольку, испытав унижения каждая нация, вольно или невольно будет пытаться оправдать участников исторических событий, и такие «оправдания» никогда не будут объективными.

Вопрос о том, был ли Токийский процесс фикцией, остается открытым. Очевидно, что проведение подобного суда было и необходимостью, и своего рода актом возмездия, но последующие за ним события привели к «обесцениванию» результатов приговора и дали возможность говорить о нем, как о прикрытии для реализации будущих геополитических интересов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Звягинцев А. Г. Ветер возмездия: уроки Токийского международного военного трибунала: к 70-летию Токийского процесса. — М., 2019. — 396 с.
2. Звягинцев А. Г. Отравители без хризантем // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2019. — № 4. — С. 34–37.
3. Катасонова А. Токийский Нюрнберг (12 октября 2017 г.) // Официальный сайт Минобороны России. — URL: http://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=12101798@cmsArticle (дата обращения: 01.12.2020).
4. Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. — М., 1950. — 537 с.
5. Моримура С. Кухня дьявола. — М., 1983. — 311 с.
6. Николаев А. Н. Токио: суд народов. По воспоминаниям участника процесса. — М., 1990. — 416 с.

REFERENCES

1. Zvyagintsev AG. Veter vozmezdiiya: uroki tokiyskogo mezhdunarodnogo voennogo tribunala: k 70-letiyu tokiyskogo protsessa [The Wind of Retribution: Lessons of the Tokyo International Military Tribunal: To the 70th Anniversary of the Tokyo Process]. Moscow; 2019 (In Russ.).
2. Zvyagintsev AG. Otraviteli bez khrizantem [Poisoners without chrysanthemums]. *Bulletin of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2019; 4:34–37 (In Russ.).
3. Katasonova A. Tokyo Nuremberg (October 12, 2017). Official website of the Ministry of Defense of Russia. Available from: http://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=12101798@cmsArticle (accessed: 1 Dec 2020).
4. Proceedings of the trial over former soldiers of the Japanese army accused of preparation and use of bacteriological weapons. Moscow; 1950 (In Russ.).
5. Morimura S. Kukhnya dyavola [Devil's Kitchen]. Moscow; 1983 (In Russ.).
6. Nikolaev AN. Tokio: sud narodov. Po vospominaniyam uchastnika protsessa [Tokyo: the court of peoples. According to the memories of the participant of the process]. Moscow; 1990 (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.15.3.065-073

ЖИВОЕ И МЕРТВОЕ ПРАВО

Румянцева Валентина Геннадьевна, главный редактор журнала «Российское право онлайн», доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
vgrumyantseva@msal.ru

© Румянцева В. Г., 2020

***Аннотация.** В любом теоретическом труде, посвященном праву, вопросу о его действительности всегда уделялось особое внимание. Статья содержит размышления об эффективном живом праве и противопоставлении его чуждому мертвому праву на основании работ представителей социологического течения.*

***Ключевые слова:** социология права; социологический подход; общественные отношения; правовое отношение; норма права; живое право; мертвое право; право в действии; право в текстах.*

LIVING AND DEAD LAW

Valentina G. Rumyantseva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Editor-in-Chief, «Russian Law Online» Journal; Associate Professor, Department of History of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125933
vgrumyantseva@msal.ru

***Abstract.** In any theoretical thesis devoted to law, the issue of effectiveness of law has always been given special attention. The paper contains reflections on effective living law and opposition to its alien dead law based on the works of representatives of the sociological trend.*

***Keywords:** sociology of law; sociological approach; social relations; legal attitude; rule of law; living law; dead law; law in action; law in texts.*

Любая норма права — устойчиво повторяющиеся общественные отношения (конкретные взаимодействия между персонифицированными индивидами). Она существует только тогда, когда воспроизводится в действиях конкретных людей, в противном случае — мертвая статья нормативного правового акта (бессильные, неправовые, устаревшие и все другие нормы, которые препятствуют установлению правового порядка, затормаживают его). Противоположностью мертвых, недействующих, бумажных норм права выступают нормы, отвечающие требованиям справедливости, способные урегулировать отношения в социуме, причисляемые к нормам живого права:

- право в жизни (Р. Иеринг);
- «живой» правопорядок (С. А. Муромцев);
- «живое право» (Е. Эрлих);
- «право в действии» (Р. Паунд).

Какова же причина образования мертвых норм?

Фактическая основа и материальный источник права — социальная действительность. Иллюзией является императивная форма законодательного веления «должен», породившая якобы безграничную власть над людьми нормативного акта, способного творить общественную жизнь. Складывающиеся отношения между индивидами происходят не по приказу свыше: генетически правовые отношения предшествуют норме, что и должно учитываться при составлении законов. Законодателю свойственно переоценивать свою степень воздействия на жизнь. Положительное право практически неподвижно. Для его изменения всякий раз требуется приводить в движение сложный механизм законодательной машины, и нет гарантий, что новый вариант будет лучше предыдущего. Изменение жизни конкретных людей, достигаемое лишь ценой значительных жертв имеющимися частными правами. С. А. Муромцев выступил на заседании Юридического общества: *«Гражданская жизнь и гражданское законодательство далеко расходятся в своем развитии; целый ряд примеров может подтвердить, насколько иногда закон не соответствует запросам практики и как он расходится с жизнью. Вопрос лишь в том: влияет ли жизнь на образование законов, или условия жизни меняются сообразно требованиям, предъявляемым законоположениями? При обсуждении вопроса о новом законодательстве необходимо иметь в виду, отвечает ли оно действительным потребностям жизни, не будет ли стеснено на практике выполнение его положений»*¹.

Нельзя знать наперед, что станет с отношениями при применении закона, ибо *«только что изданный закон еще не есть действующее право. Все, что законодатель в состоянии создать, это лишь план, лишь набросок будущего желательного правопорядка»*². Жизнь может уклониться от положительного права; как только применение мертвого правила приобретает массовый характер — норма больше не действует.

И прежде, и теперь понятия закона и права как разделялись, так и объединялись. Удобно отождествлять закон и право. Позиция проникла в общую теорию права. Стало общераспространенным, что действует лишь признанное законом право, и только в пределах, точно им установленных.

Догматическую юриспруденцию мало интересует, как применяются законы, ибо главная теоретическая посылка — «закон совершенен». Р. Иеринг один из первых выявил *«опасность из-за понятия не увидеть цель»*³. Он сравнил право со свободным притоком воздуха для пламени⁴, выделил из римского права общечеловеческие универсальные элементы, заставил юристов почувствовать некоторую бесплодность понятийных конструкций. В то же время этот реализм не страдал пессимизмом. Для Р. Иеринга *«право — это срез жизни, но жизни насыщенной, здоровой»*⁵. Критикуя предложенное наукой понятие права как системы абстрактных предположений⁶, он, как затем и С. А. Муромцев, предпринимает попытку доказать несводимость права к закону: *«Норма — абстракция действительного права... она всегда должна приспособляться ко всякому изменению действующего права, всегда быть на высоте своего времени»*⁷.

Р. Иеринг подчеркивает, *«не жизнь существует ради понятий, а понятия — ради жизни»*⁸. Иначе право отрывается от обуславливающей его реальной обстановки. (Поддерживал его суждения Б. А. Кистяковский: *«Во всех случаях критерием для решения того, что есть право, является право, осуществляющееся в жизни, или правовые*

¹ Муромцев С. А. Выступление на заседании Юридического общества // Журнал Министерства юстиции. 1903. Кн. 6. С. 202.

² Bülow O. Gesetz und Richteramt. Leipzig, 1885. S. 3.

³ Иеринг Р. Историко-общественные основы этики. СПб., 1896. С. 7.

⁴ Иеринг Р. Борьба за право. М., 1991. С. 51.

⁵ Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986. С. 93.

⁶ Иеринг Р. Борьба за право. С. 6.

⁷ Иеринг Р. Задача современной юриспруденции // Юридический вестник. 1883. № 8. С. 565.

⁸ Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. СПб., 1875. С. 321.

факты, а не право, заключающееся в правовых нормах»⁹). Нормативный акт может остаться пустым звуком, не применяться на практике и даже противоречить ей.

Е. Эрлих также резко выступал против господствовавшего в то время формалистического подхода к праву. Юридический позитивизм, а затем нормативизм рассматривали право как совокупность норм, санкционированных государством, не ставя задачу раскрыть связь права с обществом, с его социальными факторами. Такой подход Е. Эрлих считал недостаточным и ненаучным: «Желание все право... поместить в параграфы законодательного уложения приблизительно так же разумно, как если бы поток попытаться заключить в пруд: то, что из этого выйдет, больше не будет потоком, а мертвой водой; многое же из него и вовсе не найдет места там»¹⁰.

Считая ключевым понятием, Е. Эрлих подробно характеризует то, что он называет живым правом. Живым правом является «лишь то, что входит в жизнь, становится живою нормою, все остальное есть лишь голое учение, норма решения, догма или теория»¹¹.

Е. Эрлих был не одинок в антитезе живого права общества государственно-правовому установлению. Р. Паунд, руководствуясь идеями Е. Эрлиха, различал:

- «право в книгах»;
- «право в действии».

Одно из творений Р. Паунда так и называлось — «Право в книгах и право в действии»¹². «Право в действии, — утверждает ученый, — не всегда совпадает с правом, как оно фиксировано в книгах, а иногда и не стремится к такому совпадению или даже к видимости совпадения»¹³. Сходное положение ранее было высказано Х. Зинцгеймером: «Нет нужды в том, чтобы установленное право совпадало с правовой действительностью, и оно в самом деле во многих отношениях не совпадает с нею. Ибо не все действующее право действительно и не все действительное право выражено в писанных нормах»¹⁴.

Хотя социологические положения, разработанные С. А. Муромцевым, Е. Эрлихом и Р. Паундом, примиряли действующее право с действующим законодательством и не были столь категоричны и радикальны, в юридической литературе закрепилось обвинение их позиции в полном правовом нигилизме по отношению ко «всякой системе твердо установленных правовых правил» и обосновании «похода против официальной законности»¹⁵. Данная критика представляется несколько надуманной и резкой, в подтверждение чего остановимся на изложении ее основных трех положений.

Во-первых, противопоставление закона праву, восхваление генетического примата правоотношений ведет к нарушению законности. Так, тезис Е. Эрлиха о поисках права не в законах, а в обществе служил разрушению нормативного представления. Все попытки австрийского мыслителя дать широкое освещение конкретной правовой жизни представляли лишь чисто эмпирическое изучение фактов, лишенное понимания закономерностей, свойственных праву¹⁶. В условиях развитого правопорядка и правосознания норма права не просто выражена в правоотношении, она фиксирована в законе, единообразное исполнение которого есть самое главное требование законности, условие демократии и безопасности личности.

Во-вторых, юридико-социологические конструкции живого права и права «как порядка отношений» построены на отрицании качественно важной роли государства

⁹ Кустяковский Б. А. Философия и социология права. СПб., 1999. С. 214.

¹⁰ Ehrlich E. Die Juristische Logik. Tubingen, 1918. 337 S.

¹¹ Ehrlich E. Grundlegung der Soziologie des Rechts. München; Leipzig, 1913. S. 33.

¹² Pound R. Law in Books and Law in Action // American Law Review. 1910. V. 44. P. 12–36.

¹³ Pound R. Administrative Application of Legal Standards // Reports of the American Bar Association. 1919. V. 44. P. 445–465.

¹⁴ Sinzheimer H. Die Soziologische Methode in der Privatrechtswissenschaft. München, 1909. S. 7.

¹⁵ Туманов В. А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве. М., 1971. 381 с.

¹⁶ Марчук В. П. «Свободное право» в буржуазной юриспруденции. Критика концепции Е. Эрлиха. К., 1977. 166 с.

в установлении и развитии права. Игнорируется факт государственного воздействия на общественные отношения, будь то их закрепление, развитие или запрет¹⁷. Государство — не «*формальный регистратор*» уже сложившегося права.

В-третьих, вообще умаляется роль кодифицированного права. Определенность текста закона увеличивает возможность индивида прогнозировать результаты своего вступления в общественные отношения, а значит, увеличивает свободу. Точное и публично закрепление пусть даже самой малой меры свободы способствует ее накоплению, созданию социокультурного юридического кодекса свободы. Появляется «*свобода возвращаться к тому, что сказано*»¹⁸.

В целом, заключала критика, опровергается одна из совершенно четких закономерностей, продемонстрированных историей развития общества — последовательное возрастание роли централизованных, исходящих непосредственно от государства правовых форм, движение от обычного права к высокоразвитому. Прослеживается обратный исторический порядок: обращение к тому, от чего история уходила, а не к тому, к чему она пришла. Это явный регресс правовой системы, означающий не что иное, как требование от четко выверенного общего государственного предписания вернуться к неказуистическим нормам.

Смею заметить, что апелляция к диалектическому развитию человеческого общежития отнюдь не аргумент в пользу критики. Истории известно множество примеров, отвергающих подобные суждения, один из них — войсковое построение: чередование рассыпного строя с линейным. Римские легионы, средневековая «свинья», каре вели к победе в войне благодаря четкой системе, слаженности действий. Но прошло время, и вот уже стихийное, хаотичное движение отдельных солдат стало залогом победы. Хотя рассыпной строй уходит своими корнями в первобытность, но и сегодня, как при А. В. Суворове, Наполеоне, тактически используется именно он.

В мире все относительно, нельзя считать явление удобным и социально справедливым в практическом применении лишь из-за его новизны в процессе человеческого развития. Помимо нормативных правовых актов в жизни действуют и другие источники права. Поэтому критика такого рода подрывает авторитет права и рушит веру в его силу и значимость.

Противники социологической концепции так стремились доказать свою правоту, что сами пришли к ложному заключению. Б. А. Кистяковский верно подметил, что «*традиционная теория права влияет на психику большинства теоретиков права и создает одностороннее устремление их внимания на право как на совокупность норм и, в частности, исключительный интерес к праву, выраженному в законах. В силу этого они видят право, осуществляющееся в жизни, не таким, каким оно является в действительности, а таким, каким оно им кажется с точки зрения действующих правовых норм*»¹⁹.

Социологическая юриспруденция в лице Р. Иеринга, С. А. Муромцева, Е. Эрлиха, Р. Паунда действительно выдвинула на первый план правоотношения, правопорядок, но не отрицала нормативный характер права. В науке существуют подобные взгляды, но призыв к искоренению мертвого права еще не повод для объявления Р. Иеринга, С. А. Муромцева, Е. Эрлиха, Р. Паунда их сторонниками. Нормативный характер права как неизбежный признак всякой социальной нормы не вызывает сомнений. Позитивное право ценно для общества, так как полезно и необходимо, будучи регулятором общественных отношений, инструментом социального воздействия. Но не все подвластно позитивному праву. Учеными отвергался не нормативный, а всемогущий характер закона. Право — продукт общественной жизни, а не домысел законодателя.

Р. Иеринг, С. А. Муромцев, Е. Эрлих, Р. Паунд выступают против абсолютизации права в целом, что так характерно для естественного права. Подобное воззрение было реакцией против занимавшей центральное место среди положений естественной школы идеи права как неприкосновенного дара прошлого, развитию которого было

¹⁷ Туманов В. А. Указ. соч. С. 261.

¹⁸ Бурдые П. Начала : сборник. М., 1994. С. 130.

¹⁹ Кистяковский Б. А. Философия и социология права. С. 208.

уделено значительное внимание в концепциях всех четверых ученых. С. А. Муромцев вывел, что естественное право в значении, придаваемом его сторонниками, просто не существует. Понимая под естественностью нечто постоянное, неизменное, они предполагали, что естественное право существует самобытно, как следствие — неизменно, постоянно, прирожденно человеку. Ни одно из вышеперечисленных свойств неприменимо к нормам права. Внимательный исторический анализ приводит С. А. Муромцева к тому, что нельзя доказать вечность и неизменяемость ни одной из известных юридических норм. Все, что в лучшем случае допускает всеобщность, остается постоянным, — есть объединяющий несколько норм общий принцип²⁰.

Р. Иеринг полагал, естественное право есть идеализация существующего порядка, попытка научно передать и обосновать всеобщность, всемирность нового правового предписания и не может реализовываться вне времени. К чему подобная идеализация может привести юриспруденцию, позже показал Р. Паунд. Более чем какая-либо иная, теория естественного права служила для прикрытия правовой действительности, не давая представления, что собой представляло право как правопорядок, чем на практике занимались суд, судья, законодатель²¹. Она установила определенные трудности и в области действия субъективного права.

Р. Паунд считает естественное право качеством абстрактного человека, живущего в царстве природы, в царстве идеальной гармонии и претендующего только на то, что разумно с точки зрения морального существования его и его соседей. Естественное право выступило регулятором различных интересов, а позитивное право — неким следствием философского примирения сталкивающихся требований. Казалось, на этом и закончилась вся миссия естественного права. Но в девятнадцатом веке, упоминает ученый, все естественные права стали логически выводиться в науке из фундаментальной идеи свободы. Если старое естественное право призывало к поискам непреходящей системы принципов, в соответствие с которой должен быть приведен существующий закон, то новое естественное право призывало к поискам системы правил, управляющих уже самим законотворческим процессом так, чтобы ей соответствовал каждый создаваемый закон. Ставилась глобальная задача бесконфликтного осуществления каждого естественного права индивида. Как показал Е. Эрлих, принципы личной свободы, неприкосновенности собственности, свободы договоров своей неограниченностью сводят все частное право и юриспруденцию вообще к службе не всех, а лишь определенных интересов, и поэтому не могут уравновесить их противоречие²². В результате возникла юридическая проблема эффективной реализации и защиты индивидуальных прав, справиться с которой концепция естественного права была не в состоянии. Ее переоценка привела к тому, что *«своды законов прошлого столетия были полны любопытными ситуациями логического тупика, к которому такие попытки постоянно вели»*²³.

Сам собой напрашивается вопрос: а можно ли найти выход из такой ситуации и есть ли он вообще? Прошло время, а проблемы не разрешились: бессильные или неправомерные нормы мешают установлению и развитию отношений в социуме.

Социология права должна не признавать общие принципы как вечные истины, а лишь отмечать в них различные требования и интересы. Социологический подход помогает изнутри увидеть процесс регулирования общества, выявить потребности человека, свести образование мертвого права к минимуму. Право становится объектом самостоятельного научного исследования. Главное внимание отводится вопросу, как оно осуществляется в жизни.

Ученые поставили вопрос об анализе права в его социальном контексте, в практике, а не только в кодексах и учебниках. Например, Р. Иеринг воплотил в своей доктрине самые прогрессивные черты, сумев сохранить лучшее, взять за основу

²⁰ Муромцев С. А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции. М., 1886. С. 39–40.

²¹ Pound R. Interpretations of Legal History. Cambridge; Massachusetts, 1946. P. 158.

²² Ehrlich E. Grundlegung der Soziologie des Rechts. S. 236–237.

²³ Pound R. Interpretations of Legal History. P. 159.

наиболее жизненные положения. Е. Н. Трубецкой усматривал в учении Р. Иеринга призыв к обновлению, а П. И. Новгородцев — блестящий, окончательный удар по доктрине знаменитых предшественников²⁴.

Р. Иеринг не только хороший эклектик, но и новатор. *«Представление, будто право образуется безболезненно, самопроизвольно, незаметно, подобно полевому растению, есть представление поистине романтическое, т. е. основывающееся на ложном идеализировании прошлого: грубая действительность учит нас противоположному»*²⁵. Признание свободы личности целью развития права, где свободная деятельность человека принимает участие в создании новых норм, — заслуга естественно-правовой теории; признание ограничения этой свободы конкретными историческими условиями, законом постепенного развития — заслуга исторической теории; признание права продуктом истории в результате человеческой деятельности — заслуга Р. Иеринга. Здесь отмечается сходство с идеями диалектической философии. Немецкий мыслитель, закончив образование, стал преподавать в начале сороковых годов в Берлине, когда гегельянство пришло в упадок, но не могло еще исчезнуть бесследно. С «Философией истории» Р. Иеринг был знаком, судя по ее цитированию в работе «Дух римского права на различных ступенях его развития». Однако он редко прямо ссылается на Г. Гегеля, утверждая, что к своему воззрению пришел благодаря изучению истории римского права. Помимо этого, некоторые ученые — Ж. Карбонье, Л. И. Спиридонов — считали, что концепция «Борьба за право» как бы копирует формулы Ч. Р. Дарвина и О. Бисмарка («Борьба за существование», «Право — это политика силы»)²⁶.

Определенное влияние главных идей современников присутствует в творчестве любого мыслителя, но в данном случае Р. Иеринг действительно оригинален в новизне позиции. Нарушение старых юридических норм и зарождение новых стоит человечеству нередко целых потоков крови — приходится не только отыскивать новые юридические понятия, но и опрокидывать препятствия, преграждающие путь прогрессивному движению: *«Всякое право в мире было добыто путем столкновений, каждое важное правоположение надо было сначала отвоевать у тех, кто ему противился, и каждое право — все равно, отдельного ли лица или целого народа — предполагает постоянную готовность его отстаивать»*²⁷.

Процесс смены старых правовых воззрений и норм новыми не есть, стало быть, процесс безболезненного роста. Обращение к истории лучшее тому доказательство. Каждое новое юридическое понятие (собственность, обязательство, власть) добыто ожесточенной борьбой или напряженными усилиями. Как орудия труда, домашняя утварь не были найдены готовыми человеком, так и нормы права не заключались изначально в его разуме²⁸. *«Мир без борьбы, наслаждение без труда относится к временам рая, истории же они известны как результат неустанного, тяжкого напряжения»*²⁹.

В качестве наглядного примера Р. Иеринг приводит древнеримскую сагу, по которой Рим всем обязан себе³⁰. Жизнь права — борьба, правовые нормы — результат соотношения борющихся сил, «борьбы за право». Мыслитель, различая формы борьбы (война, восстание, возмущение, революция, средневековое кулачное и боевое право, дуэль, закон Линча, самозащита, судебный процесс — все это *«не более как формы и сцены одной и той же борьбы за право»*³¹). С. А. Муромцев растолковыв-

²⁴ Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. СПб., 1998. С. 63–65 ; Новгородцев П. И. Историческая школа юристов. СПб., 1999. С. 113 ; Спиридонов Л. И. Теория права и государства. М., 1996. С. 63–65.

²⁵ Иеринг Р. Борьба за право. С. 11.

²⁶ Карбонье Ж. Указ. соч. ; Спиридонов Л. И. Указ. соч.

²⁷ Иеринг Р. Борьба за право. С. 5.

²⁸ Муромцев С. А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции. С. 35.

²⁹ Иеринг Р. Борьба за право. С. 6.

³⁰ Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. С. 97.

³¹ Иеринг Р. Борьба за право. С. 13.

вает это следующим образом: «Но борьба, служба формой, в которой проявляется последовательное развитие человека и общества, способна быть закономерной и принадлежать одинаково как области материальных сил и интересов, так и области интересов и сил духовных. Кто полагает, что бороться можно только посредством кулака или оружия, и забывает о борьбе посредством слова и примера, кто думает, что путем борьбы могут одержать верх только грубые силы и интересы, и не допускает возможности победы со стороны духовных сил и интересов, тот высказывает лишь жалкое и совершенно неверное воззрение на природу человека и закрывает свои глаза перед красноречивыми фактами истории»³². Р. Иеринг выбирает законную борьбу за частное право в форме процесса, потому что там «истинное положение дела легче всего ускользает от понимания»³³.

Как о себе высказывается Р. Иеринг, он не защитник ссор и споров, сутяжничества и сварливости. Права возможно как олицетворение мира и порядка. И безусловно, есть люди, проживающие без помех, проходя жизнь «по выровненным путям права», забывшие про труд и борьбу. (Е. Эрлих также полагал, что «есть миллионы людей, которые вступают в бесчисленное количество правовых отношений и которые настолько счастливы, что никогда не обращаются ни к одному учреждению»³⁴). Р. Иеринг, отвергая недостойную терпимость к беззаконию из трусости, любви к спокойствию, индифферентизма, требует «борьбы за право отнюдь не во всяком споре, а лишь тогда, когда посягательство на право заключает в то же время пренебрежение личности»³⁵. Вот почему осуждение теории за поэтизацию духа воинственности, насилия, сражений необоснованно. Во избежание подобных обвинений ученый еще в предисловии своей работы («Борьба за право») просит не придавать его мыслям искаженного и извращенного вида.

Картина, нарисованная Р. Иерингом, представляется безрадостной:

- неизбежные конфликты, вытекающие из противоречия старого с новым;
- долгий период проб и исканий, колебаний и неопределенности;
- вечный поиск прогрессирующего права правильного пути с помощью тяжелой борьбы и работы человеческого разума;
- образование основных юридических понятий и институтов путем усилий и напряжения целых поколений.

Вместе с тем право царит в жизни, «но не право, раз навсегда данное и законченное, а право развивающееся, право идущее вперед, навстречу растущим потребностям жизни»³⁶. Жизнь проходит в непрерывном движении: «Право и жизнь, жизнь и право — неотделимы друг от друга и стоят в вечном взаимодействии»³⁷. Основной лозунг: «...Право для того и существует, чтобы осуществляться»³⁸. Тогда фактические отношения отражаются в правоотношениях, а закон не будет выступать закаменелой догмой. Каждый раз, когда юристу-догматику приходится навязывать жизни несоответствующие ей предписания закона, она отвергает его. Такова динамика Р. Иеринга.

Выявление и искоренение бессильных или неправовых норм — одна из фундаментальных идей Р. Иеринга, С. А. Муромцева, Е. Эрлиха, Р. Паунда. Кроме чисто теоретического значения новое направление способствовало развитию практического руководства для судей при верном толковании законов, восполнению пробелов в официальном праве. Верховенство закона — основной принцип современной

³² Муромцев С. А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции. С. 35–36.

³³ Иеринг Р. Борьба за право. С. 13.

³⁴ Ehrlich E. Grundlegung der Soziologie des Rechts. S. 54.

³⁵ Иеринг Р. Борьба за право. С. 4.

³⁶ Новгородцев П. И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 74 (IV). С. 441.

³⁷ Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права : Часть общая. Т. 1. СПб., 1911. С. 22 ; Гамбаров Ю. С. Задачи современного правоведения // Журнал Министерства юстиции. 1907. Кн. 1. С. 49–82.

³⁸ Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. С. 52.

правовой системы, который не отменяет самостоятельного правообразования вне и помимо закона. Для реального познания правовых явлений необходимо рассматривать как официальное, так и неофициальное право.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бурдые П. Начала : сборник. — М., 1994. — 287 с.
2. Гамбаров Ю. С. Задачи современного правоведения // Журнал Министерства юстиции. — 1907. — Кн. 1. — С. 49-82.
3. Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права: часть общая. Т. 1. — СПб., 1911. — 793 с.
4. Иеринг Р. Борьба за право. — М., 1991. — 64 с.
5. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. — СПб., 1875. — 321 с.
6. Иеринг Р. Задача современной юриспруденции // Юридический вестник. — 1883. — № 8. — С. 533-573.
7. Иеринг Р. Историко-общественные основы этики. — СПб., 1896. — 32 с.
8. Иеринг Р. Цель в праве. — СПб., 1881. — Т. I. — 443 с.
9. Карбонье Ж. Юридическая социология. — М., 1986. — 352 с.
10. Кистяковский Б. А. Философия и социология права. — СПб., 1999. — 375 с.
11. Марчук В. П. «Свободное право» в буржуазной юриспруденции. Критика концепции Е. Эрлиха. — К., 1977. — 166 с.
12. Муромцев С. А. Выступление на заседании Юридического общества // Журнал Министерства юстиции. — 1903. — Кн. 6. — С. 202.
13. Муромцев С. А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции. — М., 1886. — 104 с.
14. Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. — М., 1979. — 250 с.
15. Новгородцев П. И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. — 1904. — Кн. 74 (IV). — С. 397-450.
16. Новгородцев П. И. Историческая школа юристов. — СПб., 1999. — 192 с.
17. Спиридонов Л. И. Теория права и государства. — М., 1996. — 304 с.
18. Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. — СПб., 1998. — 183 с.
19. Туманов В. А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве. — М., 1971. — 381 с.
20. Bülow O. Gesetz und Richteramt. — Leipzig, 1885. — 78 S.
21. Ehrlich E. Die Juristische Logik. — Tübingen, 1918. — 337 S.
22. Ehrlich E. Grundlegung der Soziologie des Rechts. — München; Leipzig, 1913. — 432 S.
23. Pound R. Administrative Application of Legal Standards // Reports of the American Bar Association. — 1919. — V. 44. — P. 445-465.
24. Pound R. Interpretations of Legal History. — Cambridge; Massachusetts, 1946. — 171 p.
25. Pound R. Law in Books and Law in Action // American Law Abstract. — 1910. — V. 44. — P. 12-36.
26. Sinzheimer H. Die Soziologische Methode in der Privatrechtswissenschaft. — München, 1909. — 259 S.

REFERENCES

1. Bourdieu P. Nachala: sbornik [Beginnings: collection]. Moscow; 1994 (In Russ.).
2. Gambarov YuS. Zadachi sovremennogo pravovedeniya [Problems of modern jurisprudence]. *Journal of the Ministry of Justice*. Book 1. 1907. P. 49-82 (In Russ.).
3. Gambarov YuS. Kurs grazhdanskogo prava: chast obshchaya [Civil Law Course: Part General]. Vol. 1. St. Petersburg; 1911 (In Russ.).
4. Iering R. Borba za pravo [Fight for Law]. Moscow; 1991 (In Russ.).

5. Iering R. Dukh rimskogo prava na razlichnykh stupenyakh ego razvitiya [The spirit of Roman law at various stages of its development]. St. Petersburg; 1875 (In Russ.).
6. Iering R. Zadacha sovremennoy yurisprudentsii [The Problem of Modern Jurisprudence]. *Juridical Bulletin*. 1883;8:533-573 (in Russ.).
7. Iering R. Istoriko-obshchestvennye osnovy etiki [Historical and social foundations of ethics]. St. Petersburg; 1896 (In Russ.).
8. Iering R. Tsel v prave [The goal in Law]. Vol. 1. St. Petersburg; 1881. (In Russ.).
9. Karbonnier J. Yuridicheskaya sotsiologiya [Legal Sociology]. Moscow; 1986 (In Russ.).
10. Kestyakovskiy BA. Filosofiya i sotsiologiya prava [Philosophy and Sociology of Law]. St. Petersburg; 1999 (In Russ.).
11. Marchuk VP. «Svobodnoe pravo» v burzhuaznoy yurisprudentsii. Kritika kontseptsii E. Erlikha. [«Free law» in bourgeois jurisprudence. Criticism of the concept of E. Ehrlich]. Kiev; 1977 (In Russ.).
12. Muromtsev SA. Vystuplenie na zasedanii Yuridicheskogo obshchestva [Speech at the meeting of the Law Society]. *Journal of the Ministry of Justice*. Book 6. 1903; P. 202. (In Russ.).
13. Muromtsev SA. Obrazovanie prava po ucheniyam nemetskoj yurisprudentsii [Formation of law on the teachings of German jurisprudence]. Moscow; 1886 (In Russ.).
14. Muromtsev SA. Opredelenie i osnovnoe razdelenie prava [Definition and basic division of law]. Moscow; 1979 (In Russ.).
15. Novgorodtsev PI. Gosudarstvo i pravo [State and Law]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 1904;74(IV):397-450 (In Russ.).
16. Novgorodtsev PI. Istoricheskaya shkola yuristov [Historical School of Lawyers]. St. Petersburg; 1999 (In Russ.).
17. Spiridonov LI. Teoriya prava i gosudarstva [Theory of Law and State]. Moscow; 1996 (In Russ.).
18. Trubetskoy EN. Entsiklopediya prava [Encyclopedia of Law]. St. Petersburg; 1998 (In Russ.).
19. Tumanov VA. Burzhuaznaya pravovaya ideologiya. K kritike ucheniy o prave [Bourgeois legal ideology. To criticism of teachings on law]. Moscow; 1971 (In Russ.).
20. Bülow O. Gesetz und Richteramt. Leipzig; 1885.
21. Ehrlich E. Die Juristische Logik. Tübingen; 1918.
22. Ehrlich E. Grundlegung der Soziologie des Rechts. München. Leipzig; 1913.
23. Pound R. Administrative Application of Legal Standards. *Reports of the American Bar Association*. Vol. 44. 1919.
24. Pound R. Interpretations of Legal History. Cambridge: Massachusett; 1946.
25. Pound R. Law in Books and Law in Action. *American Law Abstract*. 1910;44:12-36.
26. Sinzheimer H. Die Soziologische Methode in der Privatrechtswissenschaft. München; 1909.

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН

Телефон редакции: +8 (499) 244-88-88 (доб. 687)
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9; www.rus-law.online; e-mail: ruslaw@msal.ru

Компьютерная верстка *Д. А. Беляков*

ISSN 2542-2472

9 770254 224729

RUS-LAW ONLINE

3 / 2020

WWW.RUS-LAW.ONLINE